

На правах рукописи

ШИРОКОВ
АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В 1930–1950-х гг.:
ФОРМЫ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Специальность
07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре музеологии и экскурсионно-туристической деятельности

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Черняк Эдуард Исаакович

Официальные оппоненты доктор исторических наук, профессор
Красильников Сергей Александрович

доктор исторических наук, доцент
Грик Николай Антонович

доктор исторических наук, профессор
Демчик Евгения Валентиновна

Ведущая организация **Иркутский государственный университет**

Защита состоится 28 декабря 2009 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан 28 октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Структурный кризис, поразивший Россию в последнее десятилетие ушедшего столетия, наиболее тяжело отразился на северных, дальневосточных и, в частности, на северо-восточных окраинах страны. Сегодня ситуация в стране в целом, на Севере и Дальнем Востоке в частности стала более предсказуемой и менее драматичной. Политическая воля, недостаток которой так ощущался на излете XX в., сегодня концентрированно формирует необходимые основания для смены парадигмы общественного развития, активно определяет векторы дальнейшего движения российского социума к созданию устойчивых основ его эффективной жизнедеятельности. Это отражено, в частности, в содержании Концепции долгосрочного развития РФ, Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации, программных выступлениях высших должностных лиц России. Отмеченное требует формирования реалистичных программ развития российских регионов. Такие программы, с одной стороны, должны быть адекватными современному их положению, с другой – должны ставить стратегические задачи, если принимать во внимание тезис о том, что степень поступательности развития Российской Федерации определяется степенью устойчивости (экономической, социальной, демографической и т.д.) ее территорий.

В этом контексте пристальное внимание к социально-экономическим проблемам Российского Севера и Дальнего Востока, безусловно, оправданно. Во-первых, речь идет о территориях, составляющих значительную часть российского географического, политического и экономического пространства. Во-вторых, потому, что экономическая и геополитическая роль названных регионов сейчас огромна и с неизбежностью будет возрастать в будущем. Несмотря на позитивные в целом перемены в современном положении Российского Севера и Дальнего Востока, сегодня эти регионы пока не стали привлекательным для населения, которое бы связывало с ним свои долгосрочные жизненные планы.

Исследование содержания целевых установок, реализованных в формах и методах государственной политики по отношению к северным и дальневосточным регионам в обозначенный период, оценка их эффективности и влияния на дальнейшие судьбы Российского Севера и Дальнего Востока становятся актуальной задачей многих отраслей научного знания, среди которых именно историческая наука может сыграть ключевую роль. Именно исторические исследования могут серьезно способствовать созданию аналитически оформленной основы для проведения здесь взвешенной внутренней политики. Осознание опыта и уроков «штрафной» колонизации, «штурмовых» методов формирования здесь производственной и социальной инфраструктуры в 1920–1950-х гг. становится в этом случае одним из важнейших условий. С другой стороны, непреходящее значение в этой ситуации могут иметь историко-аналитические работы, позволяющие видеть общую картину отечественной истории XX столетия сквозь призму истории составляющих Россию территорий.

Степень актуальности и научная значимость предлагаемой к разработке темы определили **цель настоящего исследования** – анализ социально-экономического развития Северо-Востока СССР в 1920–1950-х гг. как конкретного проявления основных форм и методов государственной северной политики советского государства¹.

Поставленная цель в работе реализуется через решение следующих **конкретных задач**:

- анализ уровня изученности проблемы в научной литературе и характеристика источниковой базы;

- изучение экономико-географических и социально-политических особенностей Северо-Востока России в 1920-х гг. как одной из северных территорий и ее места в государственных планах развития страны;

- исследовать на примере Дальстроя механизм выработки в условиях форсированной индустриализации СССР основных форм и методов государственной северной политики и придания ее институциональному обеспечению чрезвычайного характера;

- исследовать динамику реализации основных направлений организации горной промышленности и обеспечивающих производств на Северо-Востоке в течение 1930–1950-х гг.;

- определить специфику формирования трудовых ресурсов на территории региона в указанный период и роль использования принудительного труда в процессах развития социально-экономического развития Северо-Востока СССР;

- выявить причины кризиса использованных советским политическим режимом форм и методов государственной политики на рубеже 1940–1950-х гг. и вынужденного поиска властями иной северной доктрины.

Объект исследования – Дальстрой как феномен институционального оформления реализовывавшейся на территории региона государственной политики с присущими ей формами и методами. **Предметом исследования** в настоящей диссертации являются основные направления государственной политики советского государства по социально-экономическому развитию Северо-Востока СССР в 1920–1950-х гг.

Предлагаемое исследование ограничено **территориальными рамками**, включающими восточные районы Республики Саха (Якутия), территорию Магаданской области и Чукотского национального округа, согласно современному административно-территориальному делению.

---

¹ Территория Крайнего Северо-Востока как исторически, так и экономико-географически находится в периферийных зонах двух российских суперрегионов – Российского Севера и Российского Дальнего Востока. Поэтому Северо-Восток в течение своей истории в составе России периодически находился то в направлении вектора «северной» политики государства, то в направлении вектора его «дальневосточной» политики (как это происходит сейчас). Иногда, как, например, в 1920–1950-х гг., эти векторы внутренней политики на территории региона совпадали. Констатация этого факта крайне важна для нашей работы, ибо в нашем исследовании, рассматривая Северо-Восток в указанный период как часть Российского Севера и объект «северной» политики государства, мы не можем игнорировать его связи с другими дальневосточными территориями.

Хронологические рамки работы включают тридцатилетний промежуток времени: со второй половины 1920-х до середины 1950-х гг. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что именно в это время государство определяло содержание выраженного в деятельности «Комитетов Севера» концептуального отношения к Российскому Северу, коренным образом измененного в начале 1930-х гг. в условиях форсированной индустриализации СССР. Выбор середины 1950-х гг. в качестве верхнего временного ограничителя вызван процессами агонии системы Дальстроя, явившимися конкретным примером кризиса чрезвычайной сталинской модели северной государственной политики.

Для придания анализу форм и методов реализованной на Северо-Востоке СССР политики советского тоталитарного режима системного характера внутри очерченного временного промежутка выделяются три основных периода.

1. Вторая половина 1920-х гг. – 1941 г.

2. 1941–1945 гг.

3. 1946–1957 гг.

Проблемы социально-экономического развития Северо-Востока рассматриваются автором на **методологических основаниях** концепции модернизации. В российской истории основным проводником модернизационных процессов было и остается государство. Как правило, основные этапы российской модернизации вызывались внешними причинами и, относительно западной модернизации, длившейся несколько столетий, характеризовались форсированным характером, формировавшим мобилизационный тип экономической и социальной структуры, и широкомасштабным использованием государством авторитарных методов достижения поставленных целей.

Деятельность на Северо-Востоке России Дальстроя, ставшего институциональным оформлением модели мобилизационной экономики со всеми ее базовыми характеристиками, может рассматриваться как конкретное проявление догоняющей модернизации. Во многом вопреки чаяниям социума в интересующее нас время, государство, исходя из собственных целей, концентрировало финансовые, материально-технические и человеческие ресурсы и принудительно направляло их в пространстве и времени на решение задач создания индустриальных основ советской промышленности.

Задачи раннеиндустриальной модернизации советским режимом в целом были решены. Однако мобилизационный тип экономической и социальной структуры позволил обеспечить достижение лишь ближайших целей (создать индустрию), но не способствовал реализации стратегических модернизационных преобразований в обществе, так как экономико-технологическое отставание СССР (России) от ведущих мировых держав продолжает сохраняться вплоть до наших дней. Именно мобилизация ресурсов на решение задач ближайшего развития и отсутствие долгосрочного планирования нашли яркое выражение в формах и методах государственной политики на Российском Севере в 1930–1950-х гг. Использование

методологических основ теории модернизации позволяет в комплексе рассматривать их содержание и результативность.

Решение задач исследования нами осуществляется в рамках марксистской парадигмы, предполагающей базисный характер развития производительных сил и производственных отношений. Сказанное позволяет нам применять в качестве исходных и традиционно применяющиеся в исторической науке принципы историзма, объективности и научности. Принцип историзма позволяет изучать объект исследования в динамике его конкретно-исторического развития: и как самостоятельно развивавшуюся систему экономических и социальных отношений, и как составную часть более широкой системы общественных взаимосвязей со всеми присущими им характеристиками. Использование принципа объективности становится важным условием минимизации влияния субъективных предпочтений историка на результат исследования. Принцип научности предполагает использование в качестве основы для логических построений верифицированных источников, чья научная состоятельность признается научным сообществом и является достаточной для решения задач исследования.

Использование принципа историзма сделало необходимым использование автором настоящего сочинения следующих конкретных методов исследования. Историко-генетический метод позволяет последовательно раскрывать изучаемую реальность в процессе ее исторического развития. Взгляд на Дальстрой как на систему позволяет не только анализировать динамику его собственного развития, но и его положение в народнохозяйственном комплексе СССР в течение четверти века, а также его место в решении экономических задач, ставившихся правительством перед НКВД–МВД СССР. В этой связи важную роль играет и системный подход.

Историко-сравнительный метод дает возможность точнее определить природу изучаемого феномена путем его сравнения с другими изучаемыми явлениями по сходству и различиям присущих им свойств. Сравнение основных направлений деятельности Дальстроя как проводника государственной «северной» политики с деятельностью сходных организаций на Европейском Севере нашей страны (Коми), на Севере Сибири (Норильский район), с другими объединениями предприятий золотодобывающей промышленности («Главзолото») позволяет более рельефно определить основные формы и методы государственной политики, реализованной в указанное время на северных окраинах СССР.

Применение историко-типологического метода позволяет выявить общее единое, которое было присуще многообразию конкретных проявлений изучаемой исторической действительности. В результате его применения мы получили возможность классифицировать Дальстрой со всеми присущими ему чертами мобилизационного типа общественных отношений как конкретное проявление видения советским государством модели взаимосвязей в системе «центр – провинция», реализованной в 1930–1950-х гг.

Частные методы исследования. При обработке архивного материала использовался источниковедческий метод. Применение библиографического

метода определялось изучением литературы по данной теме. Помимо указанного, при разработке темы настоящей диссертации использовался статистический метод.

Теоретико-методологическая основа работы определила ее **концептуальные основы**, суть которой заключается в рассмотрении социально-экономического развития Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. в контексте колонизации Российского Севера, ставшей одним из конкретных проявлений сталинской модернизации.

В течение многих столетий своей истории Россия развивалась как страна и государство, включавшее в свое политическое, экономическое, этническое и, наконец, геополитическое пространство все новые и новые территории. Общим местом в науке стала ссылка в этом отношении на знаменитый тезис В.О. Ключевского, писавшего о колонизации как основном факте русской истории. Вполне очевидно, что процесс внутренней колонизации России не является одномоментным. Поэтому изучение истории Северо-Востока в 1930–1950-х гг. будет адекватным в случае рассмотрения ее в двух основных контекстах. С одной стороны, деятельность государства в регионе определялась сталинской форсированной индустриализацией СССР. С другой – здесь нашли свое выражение традиционные для России формы и методы государственной политики, проводившейся на зауральских территориях в XVII–XIX вв.

Такая постановка проблемы позволяет вводить понятие «второй волны колонизации» или «советской колонизации» для обозначения содержания государственной политики 1920–1950-х гг. на Северо-Востоке России. Вполне очевидно, что оно может быть отнесено и к подавляющему большинству северных территорий России. Ибо в результате колонизации первой волны (XVII–XIX вв.) Север остался не только слабо заселенным, но и слабо изученным, т.е. оставался территорией, лежащей севернее границы уже «освоенного» пространства. В 1920–1950-х гг. вместе со всем Севером Северо-Восток России пережил вторую волну колонизации. Внешне его задачи выглядели исключительно хозяйственными (освоение и эксплуатация месторождений ценного минерального сырья). Однако в реальности вторая волна колонизации на Северо-Востоке содержательно была одним из сюжетов расширения властного и экономического пространства в пределах имевшихся границ государства.

Заметим, что применяющееся сегодня понятие «*колонизация*», трактуемое только как *заселение* и *освоение* присоединяемых отдаленных (окраинных) территорий, не может, думается, отвечать современным потребностям. Ибо в приведенном виде эта дефиниция отражает лишь миграционно-демографические и хозяйственные (экономические) грани колонизации. Подобное методологическое упущение может быть преодолено путем анализа процессов стратификации властного пространства в ходе колонизации и структурирования социальной среды на колонизируемых территориях. В этом случае становятся ясными такие характеристики, как цели продвижения на новые территории; субъект (инициатор) колонизационного движения и вытекающая отсюда роль государства; сущность системы взаимоотношений

«центр – окраина (провинция)», выстраиваемой в процессе колонизации, и создаваемых в рамках этой системы производственной и социальной инфраструктур; особенности привлечения и привлекаемого населения; оформление права собственности на вовлекаемые в экономический оборот ресурсы; характер вовлечения автохтонного населения в систему общественных отношений и т.д. Преодоление указанной методологической ограниченности понятия «колонизация» позволяет определять качественные характеристики интериоризации новых районов в экономическое, социальное и политическое поля жизни социума.

Однако, признавая некоторое несоответствие понятия «освоение» обозначаемым им явлениям, автор настоящей работы не отказывается от его применения, предлагая следующее решение. Понятие «колонизация» должно обозначать собственно процесс открытия, заселения и использования естественных богатств территории, т.е. выражать количественные характеристики изучаемого нами явления. А качественные характеристики его результативности могут быть отражены как минимум двумя полярными дефинициями: «колония» (страна или территория, находящаяся под властью какого-либо государства, лишенная экономической и политической самостоятельности, управляемая на основании специального режима) или «освоенная территория» (район, где целенаправленно сформирована комфортная и устойчивая социальная среда).

Иными словами, «освоенный», значит, устойчиво и комфортно обжитый. Элемент устойчивости здесь становится определяющим. Как мы можем наблюдать, кризис Дальстроя как института реализации форм и методов второй волны колонизации Северо-Востока наглядно продемонстрировал отсутствие «освоенности» («обжитости») края и чрезвычайную неустойчивость созданной здесь моноотраслевой системы производства, хрупкость социальной инфраструктуры.

Таким образом, понятия «колония» и «освоенная территория» как полярные могут отражать качество включения новых территорий в общее экономическое, политическое и социальное бытие общества. Одновременно заметим, что такое уточнение понятийного ряда способствует также определению общего и особенного в изучении важнейших периодов истории вхождения северных и восточных регионов в состав российского государства и осуществления здесь государственной политики.

Научная новизна диссертации определяется тем, что она является первым в отечественной историографии исследованием особенностей формирования производственной и социальной инфраструктуры на северо-восточных окраинах СССР в 1920–1950-е гг. в процессе второй волны колонизации Российского Севера. Оно осуществлено на конкретном примере изучения становления и развития комплекса Дальстроя, который представляет собой концентрированное феноменологическое выражение природы системы взаимоотношений «центр – провинция» по типу «метрополия – колония».

1. Изучены условия коренного изменения государственной политики по отношению к Северу на рубеже 1920–1930-х гг. и перехода от отношений в

системе «центр – провинция» к формам и методам взаимодействия в системе «метрополия – колония».

2. В комплексе прослежено складывание основных системных характеристик Дальстроя как экстерриториальной организации, которая решала задачи, выходящие далеко за границы определявшихся действовавшим законодательством рамок «государственного треста» или территориально-производственного главка НКВД.

3. Существенно расширено имеющееся в историографии представление о Дальстрое как производственном, транспортном и социально-бытовом комплексе. Особенно это касается наименее исследованного в историографии периода его истории 1946–1957 гг.

4. На основе привлечения не использовавшихся ранее специалистами исторических источников более наглядно продемонстрирована нежизнеспособность и неэффективность форм и методов сталинской государственной политики вовлечения новых территорий страны в экономическую, политическую и социальную жизнь общества.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что фактический материал диссертации, выводы, положения и оценки соискателя могут быть использованы при разработке учебных и специальных курсов по отечественной истории XX столетия в целом и ее северных территорий в частности.

Думается, что результаты работы также могут быть использованы и при определении важнейших направлений региональной политики, что весьма важно, принимая во внимание федеративный характер государственного устройства современной России.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседании кафедры музеологии и экскурсионно-туристической деятельности Томского государственного университета. Результаты работы изложены в докладах на более чем тридцати международных, всероссийских и региональных конференциях в Москве, Волгограде, Бокситогорске, Перми, Томске, Якутске, Владивостоке, Хабаровске, Магадане. Предварительные результаты исследования опубликованы в научных работах и учебных пособиях. Одновременно апробация результатов работы происходила в рамках учебных курсов «История Северо-Востока России», «История отечественного государства и права», «История советской карательной политики», читавшихся и читаемых автором в Северо-Восточном государственном университете (г. Магадан).

Структура диссертации определяется целью, задачами исследования и логикой изложения результатов. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и цитируемой литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная значимость проблемы, хронологические и территориальные рамки исследования, его предмет и объект, определяются цель и задачи работы, методологические и концептуальные основы диссертационного сочинения, объясняются новизна и практическая значимость ее результатов.

В **главе 1** «Историографические и источниковедческие проблемы исследования» автор анализирует степень изученности проблемы, а также характеризует источниковую базу исследования.

В **первом разделе** утверждается, что многоплановый характер процессов, происходивших на Северо-Востоке СССР в 1920–1950-х гг., обуславливает обращение соискателя к самому широкому спектру научной литературы. В изучении представителями различных научных направлений территории Севера Дальнего Востока и процессов его колонизации в 1920–1950-х гг. выделяется четыре основных периода.

Первый охватывает собой временной промежуток 1920-х – начала 1930-х гг., когда советское государство определяло основные направления своей северной и дальневосточной политики. Это было время резкой активизации деятельности ученых, направленной на изучение текущего положения дел в регионе и перспектив его дальнейшего развития¹, ибо результаты колонизации Дальневосточного региона России в начале XX в. нельзя было считать удовлетворительными. Поэтому перед исследователями возникли проблемы формулирования основных направлений деятельности государства в дальневосточном регионе. Расценивая плановый характер советской экономики как мощный фактор преобразования жизни российских окраин, А.А. Ярилов, И.Л. Ямзин, В.П. Вошинин и др. важное значение придавали Дальнему Востоку, для которого наиболее актуальными считали промышленные перспективы, что поддерживалось и большинством региональных исследователей 1920-х гг.

Дискуссионной трибуной для ученых, разрабатывавших в 1920-х гг. проблематику развития дальневосточных окраин, являлся журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока». Научные работники, представители партийно-советского руководства на его страницах обсуждали вопросы развития отдельных территорий края, его промышленности, промыслового хозяйства, путей сообщения и т.д. Доказательством серьезного интереса государственной власти к перспективам развития Дальневосточного региона СССР во второй половине 1920-х гг. стала организация целого ряда научно-практических конференций, в ходе работы которых ученые формулировали проблемы социально-экономического развития этой советской окраины и определяли пути их решения. В этой связи наибольшего внимания заслуживают

---

¹ Работы этого времени во многом опирались на исследования дореволюционного периода (А.А. Кауфмана, И.Л. Ямзина, П.М. Головачева, Н.В. Слюнина и др.), отражавшие результаты колонизационной политики России на ее восточных рубежах.

материалы Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока (1927 г.).

Наряду с накоплением общих экономических, демографических и т.п. сведений о северо-восточных территориях СССР, во второй половине 1920-х гг. здесь провели значительные исследования экспедиции самой различной научной направленности. Результаты первоначального изучения территории края в это время отражены в работах иркутского ученого-гидрографа И.Ф. Молодых и его коллег. Перспективность развития добычи золота в районах верхнего течения р. Колымы и ее притоков была обоснована во второй половине 1920-х гг. полевыми работами видных советских геологов С.В. Обручева и Ю.А. Билибина.

Многие практические вопросы формирования и осуществления государственной политики на северных территориях страны получили освещение на страницах нескольких выпусков сборника статей «За индустриализацию Советского Востока» (1932 г.). Проблемы хозяйственного развития северных территорий обсуждались и на страницах специализированного научного журнала «Советский Север».

В 1936 г. П.Н. Кропоткин подробно изложил историю деятельности важнейших геологических экспедиций 1890–1934 гг. в регионе, которые имели важное научное и народнохозяйственное значение, обосновал периодизацию накопления знаний о геологическом строении и запасах минерального сырья недр Северо-Востока.

С наступлением *второго* из выделенных нами периодов (середина 1930-х – вторая половина 1950-х гг.) можно было наблюдать практически полное исчезновение процессов колонизации Северо-Востока со страниц открытых исследований. Это время можно образно назвать «темными веками» историографии истории региона. Данное обстоятельство объясняется тем, что в этот период в регионе действовал государственный трест (с 1938 г. – Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД–МВД СССР) «Дальстрой». Широкое использование принудительного труда заключенных и добыча стратегических видов минерального сырья (золото, олово, вольфрам, кобальт, уран) в условиях тоталитарного политического режима привели к полной засекреченности его деятельности и научных исследований, ей посвященных. Тем не менее в 1940–1950-х гг. появились исследования, посвященные некоторым конкретным проблемам социально-экономического развития Севера в целом и Севера Дальнего Востока в частности (П.Е. Терлецкий, Г.Ф. Стариков, Б.Ф. Шапалин, Ю.Н. Ягодин).

Третий период (середина 1950-х – середина 1980-х гг.) был отмечен всплеском исследовательского интереса к содержанию событий интересующего нас периода. Системный кризис сталинской экономической модели развития региона в середине 1950-х гг., выразившийся в резком падении объемов производства горнодобывающих предприятий, массовом исходе трудоспособного населения в центральные районы страны и т.д., породил необходимость действительно полноценного изучения экономических

возможностей территории края и уроков его колонизации в «дальстроевское» время.

Первые попытки описания деятельности Дальстроя как государственной организации, осуществлявшей колонизацию Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг., стали возможными уже в ходе постепенного демонтажа его системы. Это происходило в весьма специфических условиях робкой десталинизации, начатой XX съездом КПСС. Поэтому в первых исследованиях деятельности Дальстроя не нашлось, например, места описанию вклада принудительного труда заключенных в развитие горной промышленности и промышленное строительство на Северо-Востоке. В опубликованных в это время работах, посвященных в основном 25-летию основания Дальстроя, были помещены полувоспоминания-полуисследования участников освоения природных ресурсов региона, отражавшие их представления об этом «героическом периоде» истории края. В подобном смысловом ключе выдержано и издание «Преображенный край» (1956 г.), посвященное успехам «советской национальной политики» на Чукотке.

В то же время увидели свет работы, включавшие анализ развития Северо-Востока СССР в 1920–1930-е гг. Исследованию истории транспорта на Колыме в это время, от разведки наиболее выгодных путей доставки грузов на Колыму до развития внешних и внутренних транспортных артерий и создания парка транспортных средств, были посвящены в 1958–1959 гг. статьи Е.Д. Родина.

Уже на рубеже 1950–1960-х гг. был определен круг проблем истории колонизации Севера Дальнего Востока СССР 1930–1950-х гг., которые стали предметом более подробного изучения в последующее время. Это, прежде всего, вопросы формирования производственной инфраструктуры края, история геологического изучения Северо-Востока, промышленное и транспортное освоение региона, формирование соответствующих специализированных подразделений Дальстроя, складывание и развитие трудовых ресурсов края и т.п. Общие вопросы социально-экономического и политического развития Колымы и Чукотки впервые в 1961 г. были освещены в монографии Н.А. Жихарева «Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917–1953 гг.)». В сфере внимания автора оказалась преимущественно деятельность партийно-советских органов Колымы и Чукотки и партийно-политических органов Дальстроя. Тем не менее сегодня следует признать важность труда Н.А. Жихарева для изучения проблем истории региона в интересующий нас период, поскольку он содержит ценную информацию, необходимую для характеристики процессов социально-экономического и политического развития Северо-Востока в 1930–1950-е гг.

В центре внимания исследователей С.В. Левченко и Д.Л. Мозесона (1963 г.) были результаты деятельности геологоразведочных подразделений Дальстроя в Колымо-Индибирском районе в 1931–1941 гг., обусловившие развитие системы предприятий от Горного Управления треста до разветвленной сети восьми горнопромышленных управлений. Если указанные выше работы были посвящены изучению освоения месторождений минерального сырья в верховьях р. Колымы и р. Индибирки, то Г.Г. Рошупкин занялся изучением

промышленного освоения Чукотки, в котором Дальстрой с 1939 г. сыграл ведущую роль. На рубеже 1960–1970-х гг. в печати появились публикации Б.И. Мухачева, который сосредоточился на изучении промышленного развития Северо-Востока.

В 1972 г. исторические аспекты освоения природных богатств Охотско-Колымского района в период первых пятилеток оказались включенными в анализ проблем индустриализации Дальнего Востока в целом, что нашло свое выражение в работах Г.А. Унпелева. Значительные пробелы в изучении Севера Дальнего Востока заполнил коллективный труд «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней» (1974 г.). Проанализировав суть социально-экономических процессов в крае в 1920–1930-х гг., авторский коллектив коснулся работ, осуществлявшихся на Чукотке Дальстроем. Однако промышленное и культурное строительство на этой территории вновь оценивалось исследователями сквозь призму деятельности местных партийных и административно-хозяйственных органов.

В 1970–1980-х гг. исследователи сконцентрировались на изучении истории становления и развития конкретных отраслей народнохозяйственного комплекса Северо-Востока в интересующий нас период, что привело к появлению работ Е.В. Алтунина, А.Г. Коренченко, В.М. Хлыпалова, И.Л. Глазунова, не потерявших научную значимость и по сей день.

Социально-экономические преобразования в жизни Севера Дальнего Востока существенно изменили образ жизни автохтонного населения этой территории. Но содержание исследований этой проблематики в 1950–1970-х гг. детерминировалось идеологическими установками политического режима. Ученые, в полном соответствии с ними, рисовали картину всеобъемлющего роста экономики и культуры аборигенов как результата осуществления государственной политики. Негативные же ее последствия – исчезновение пастбищных угодий, рост заболеваемости у коренных этносов вследствие изменений условий их жизни, асоциализация аборигенов и распространение в их среде алкоголизма – оказались в то время вне сферы внимания специалистов.

Поиск наиболее адекватных форм и методов государственной «северной» и «дальневосточной» политики в послесталинский период стал причиной активизации и экономико-географических исследований. Среди обширного круга экономико-географической литературы особого внимания заслуживают труды С.В. Славина, анализировавшего в числе прочего и особые формы государственной политики на северных территориях СССР. Исследование колониционных процессов на советском Севере и Дальнем Востоке в 1930–1950-х гг. актуализирует обращение к достижениям отечественной демографической науки и, прежде всего, трудам Л.Л. Рыбаковского, занимавшегося изучением формирования населения Дальнего Востока, аспектах его закрепляемости на этой территории.

С середины 1980-х гг. в условиях сначала либерализации советского политического режима, а затем и становления новой российской демократической государственности начался и продолжается до сих пор

четвертый период изучения процессов, происходивших в крае в 1920–1950-х гг. Постепенное ослабление идеологического прессинга по отношению к научному знанию привело к значительному расширению проблематики исследований, увеличению количественных и качественных параметров издаваемых работ.

Следует заметить, что сказанное, прежде всего, необходимо отнести к изучению проблематики массовых репрессий в СССР 1930–1950-х гг. и значения принудительного труда в экономике СССР и отдельных его регионов. В условиях господства примеров популярного анализа (например, Р.А. Медведев) этого феномена и весьма противоречивых публикаций зарубежных авторов (Р. Конквест, Дж. Боффа, Н. Верт, А. Некрич, М. Геллер) уже в 1990-х гг. появились основанные на строго верифицированных источниках научные работы В.Н. Земскова, В.В. Цаплина, О.В. Хлевнюка, Г.М. Ивановой и др. Содержание их работ, в совокупности с чрезвычайно информационно насыщенными публикациями других авторов, изучавших документальные материалы НКВД и ГУЛАГа (Н.В. Петров, А.И. Кокурин и др.), во второй половине последнего десятилетия прошлого века стало дополняться фундаментальными исследованиями уральских (В.М. Кириллов, А.Б. Суслов, Г.Я. Маламуд, Г.А. Гончаров и др.), сибирских (Л.И. Гвоздкова, И.Н. Кузнецов, В.Н. Уйманов, С.А. Папков, А.А. Мить, О.В. Афанасов, Ф.Р. Усманова, Е.В. Боркова) ученых, исследователей из Республики Коми (А.Н. Канева, Н.А. Морозов, М.Б. Рогачев, Л.А. Максимова и др.).

Существенную значимость для понимания роли штрафной колонизации и феномена принудительного труда в 1930–1950-х гг. имеют исследования С.А. Красильникова. Наиболее значительны его работы, посвященные крестьянской ссылке в Сибирь в 1930-х гг., использованию спецпереселенцев в реализации советских планов развития края, режима труда и быта этой категории подневольного населения, а также роли и значению Сибири в планах и практике государственных репрессий XX в.

Исследователи Дальнего Востока (Е.Н. Чернолуцкая, О.П. Еланцева, М.А. Кузьмина, С.А. Головин, Е.Д. Кочегарова, В.А. Ильина и др.), как и ученые Якутии (М.М. Хатылаев, С.И. Боякова, В.И. Пестерев, С.Н. Гусак, Е.П. Антонов), анализируя процессы политических репрессий, рассматривают их как основу формирования подневольных контингентов, труд которых активно использовался в экономическом развитии этих регионов.

Начиная со второй половины 1980-х гг. стало расти количество публикаций магаданских исследователей, посвященных анализу практики чрезвычайной, штрафной колонизации Севера Дальнего Востока, нашедшей свое выражение в деятельности Дальстроя. Как нам представляется, именно магаданские ученые внесли наибольший вклад в изучение обозначенных проблем. Работы К.Б. Николаева, А.С. Навасардова, А.Г. Козлова, И.Д. Бацаева, А.Н. Исакова, С.М. Мельникова, А.Н. Пилясова, В.Г. Зеляка, С.А. Шулубиной, И.В. Логвиновой, П.С. Гребенюка, М.С. Бродкина и др., увидевшие свет в течение последних лет, хоть и различаются по глубине аналитических обобщений и постановке исследовательских проблем, в целом создают цельную картину

динамики развития социальной и производственной инфраструктуры на Колыме и Чукотке в течение 1920–1950-х гг.

Процесс накопления как московскими, так и региональными учеными фактических верифицированных данных по указанным проблемам привел к появлению изданий обобщающего характера. Среди них заметно выделяются справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960», ставший итогом длительной работы сотрудников общества «Мемориал» и ГА РФ (1998 г.), и коллективный труд историков России, Великобритании, Германии и США «ГУЛАГ: экономика принудительного труда» (2005 г.). Точность приводимых сведений и высокий уровень аналитического обобщения выгодно отличают их от увидевших свет в 2006 г. книг Э. Эпплбаум «ГУЛАГ. Паутина большого террора» и М.Ю. Морукова «Правда ГУЛАГа из круга первого».

С проблематикой настоящего исследования тесно взаимосвязаны и труды представителей правовой и историко-правовой науки (В.В. Лунева, С.И. Кузьмина, М.Г. Деткова, Л.П. Рассказова, А.С. Смыкалина, В.Н. Кудрявцева, А.И. Трусова, И.В. Упорова и др.), которые во многом стали примерами новых теоретико-правовых и историко-правовых подходов к анализу проблем уголовной и уголовно-исполнительной политики советского государства.

В целом же перечисленные авторы изучают интересующие нас вопросы лишь в контексте сталинской политики форсированной индустриализации. Отчасти это положение верно и справедливо. Но важно рассматривать эти события не как отдельный, локализованный лишь временными рамками 1930–1950-х гг. феномен, а как часть (период) многовекового процесса российской колонизации окраинных территорий страны. В этом случае становятся очевидными связь и преемственность целей, форм и методов колонизации окраин нашей страны в досоветский и советский периоды.

Такая постановка проблемы позволяет преодолеть и «государственноцентристский» подход к анализу изучаемых исторических явлений, так как исследователи, изображая районы Российского Севера лишь как объекты государственного воздействия, по сути, следуют за концептуальными основами политики советского государства, не признававшего наличия у этих регионов своих собственных, отличных от государства в целом, интересов. В то же время крайнее разнообразие (экономическое, социально-демографическое, культурно-этническое и др.) российских территорий настоятельно требовало учета местных особенностей при реализации планировавшихся государством мероприятий на местах. Автор настоящего исследования делает попытку преодоления перечисленных погрешностей, тем более что в современных условиях развития российской рыночной экономики и федеративных основ российской государственности северные регионы вновь нуждаются в разумной колонизационной политике.

Второй раздел посвящен характеристике комплекса источников, лежащих в основе предлагаемого исследования. Используемые опубликованные источники размещены в многочисленных публикациях документов 1920–1950-х гг.,

носивших как систематизированный, так и разовый тематический характер. К ним относятся нормативно-правовые акты советского государства и решения высших партийных органов ВКП(б) – КПСС. Поэтому автор обратился к изучению официальных изданий 1930–1950-х гг., в которых публиковались нормативные акты советских государственных органов, и материалам партийных съездов и конференций.

Геологическое исследование колымских районов во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. прослеживается по опубликованным материалам Геологического комитета ВСНХ СССР, реорганизованного 2 января 1930 г. в Главное Геолого-Разведочное управление, а регулирование масштабов развития золотодобычи на Колыме во многом определялось решениями Главного управления по добыче золота и платины НКТП СССР, опубликованными в 1934 и 1935 гг.

Нельзя не отметить и важность для нашей работы опубликованных источников, отражающих перипетии регулирования уголовной и уголовно-исполнительной политики советского государства, ибо эти нормативные акты имели прямое отношение к формированию и порядку содержания основной части трудовых ресурсов на Севере Дальнего Востока в 1930–1950-х гг. – заключенных ИТЛ. Наряду с изданиями 1950–1960-х гг., посвященными этой проблематике, соискатель активно использовал и во многом уникальные сборники документов «ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960» (2002 г.), «История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов» (2004 г.) и «Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953» (2005 г.).

Массив использованных неопубликованных документальных источников отложился в шести государственных архивах: Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском Государственном архиве экономики (РГАЭ), Государственном архиве Магаданской области (ГА МО), Центре хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО), Государственного архива Чаунского района Чукотского автономного округа (ГАЧР).

Среди архивных источников можно выделить директивные документы центральных партийно-государственных органов СССР, ОГПУ – НКВД – МВД Советского Союза, ГУЛАГа, регулировавшие различные аспекты социально-экономического развития Северо-Востока страны; материалы отчетности Главного и Политического управлений Дальстроя, его переписки с вышестоящими организациями; документы внутреннего делопроизводства Дальстроя, позволяющие анализировать развитие социальной и производственной инфраструктуры на Колыме и Чукотке, методы интенсификации труда работников, способы политического воздействия на население региона. Важное значение имеют материалы жалоб дальстроевцев, направлявшиеся в самые различные инстанции и демонстрирующие реалии жизни региона в условиях его колонизации.

Одновременно с перечисленными группами источников автором настоящего исследования использовались статистические данные, материалы центральной

и местной периодической печати изучаемого периода, а также документы личного происхождения (записки, письма, воспоминания), которые позволяют более детально изучать содержание процессов социально-экономического развития Севера Дальнего Востока в интересующий нас период.

В главе 2 «Предпосылки и организационные формы форсированного социально-экономического развития Северо-Востока России» представлен анализ социально-экономического и политического положения региона во второй половине 1920-х гг., определено наличие значительных противоречий государственной политики на этой территории к началу 1930-х гг., выявлена внутренняя природа Дальстроя как институционального оформления второй волны колонизации края.

В первом разделе исследуются экономико-географические и социально-политические характеристики развития Северо-Востока России в 1920-х гг. Основу хозяйственных занятий его населения (28520 человек), в структуре которого, по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., пришлое население («русские и прочие нетуземцы») составляло лишь 8,7 %, составляли производственные направления, обозначаемые как «хозяйственно-культурные комплексы»: морское зверобойное хозяйство, крупнотабунное оленеводческое хозяйство, рыболовецкое и охотничье хозяйства.

Решение проблем развития северного промыслового хозяйства, а также принятие действенных мер по поддержке коренного населения Севера в целом и Северо-Востока СССР в частности стало чрезвычайно актуальным. Руководство этим направлением государственной политики стал осуществлять образованный 20 июня 1924 г. Комитет Содействия малым народностям северных окраин («Комитет Севера») при Президиуме ВЦИК, который на местах стал создавать комплексные учреждения – культбазы. Государственные инвестиции в формирование их сети в 1926–1930-х гг. выросли более чем в 5,3 раза, что свидетельствовало о целенаправленном характере этих мероприятий. При опоре на культбазы в северных районах стали появляться школы, медицинские, ветеринарные пункты и т.д., что способствовало улучшению жизни аборигенов. Серьезную роль в укреплении северного хозяйства сыграли государственные мероприятия по защите коренных жителей от произвола частных торговцев и организации системы советской торговли, основанной на эквивалентном обмене.

Начиная с 1926 г. народы Севера получили возможность формировать собственные органы власти, что привело к созданию впервые в их истории в 1930 г. национально-государственных образований – национальных округов, в числе которых были Чукотский и Охотский (Эвенский) округа.

Однако с этими направлениями национальной политики на Севере резко контрастировали направления деятельности государственной власти, связанные со спецификой политического руководства жизнью этих огромных территорий. На территории Северо-Востока длительное время действовали ревкомы – чрезвычайные органы власти времен Гражданской войны, а в формировавшихся местных органах власти представители коренных народов оказывались в явном меньшинстве. Одновременно при проведении

коллективизации северного промыслового хозяйства власти широко применяли используемый уже к тому времени в центральных районах страны метод разделения населения по имущественно-социальному признаку. При этом специфика хозяйственной и общественной жизнедеятельности аборигенов Севера не принималась в расчет. Подобная деятельность вызвала активное и пассивное сопротивление аборигенов, приводила к значительному сокращению оленепоголовья и быстрому распаду только что созданных колхозов.

Подобные контрасты государственной политики на Севере являли собой одно из проявлений внутренней противоречивости экономической и политической ситуации в стране в целом, преодоление которой произошло в конце 1920-х гг., когда господствующей стала концепция форсированной индустриализации.

Во **втором разделе** представлена характеристика основных направлений научного изучения территории Северо-Востока СССР во второй половине 1920-х гг., проводившегося различными организациями и имевшего цель определения ресурсного потенциала территории.

В условиях поиска средств валютного обеспечения закупок за рубежом необходимых технологий и оборудования в указанное время советское государство предпринимало серьезные меры по возрождению отечественной золотодобывающей промышленности. Это обстоятельство привело к резкому возрастанию количества геолого-поисковых и геологоразведочных партий. На территории Севера Дальнего Востока наиболее значительные результаты были достигнуты Индигирской экспедицией Геологического комитета при ВСНХ СССР 1926 гг. и Колымским геоморфологическим отрядом Якутской комиссии АН СССР 1929–1930 гг. под руководством С.В. Обручева, Первой Колымской геологоразведочной экспедицией под руководством Ю.А. Билибина в 1928–1929 гг., Второй Колымской геологоразведочной экспедиции во главе с В.А. Цареградским, доказавших наличие в недрах региона уникальных промышленных запасов золота. Анализ полученных данных позволил Ю.А. Билибину предположить наличие на Северо-Востоке золотоносной полосы, простиравшейся на 1250 км от верховьев Колымы в северо-западном направлении.

Наряду с итогами их работы ключевое значение на рубеже 1920–1930-х гг. приобрели материалы, полученные Партией по исследованию реки Колымы в 1928–1930 гг. под руководством И.Ф. Молодых, обосновавшей перспективы развития транспортной инфраструктуры Северо-Востока.

Результаты деятельности ученых в совокупности с уже начавшейся золотодобычей в верховьях Колымы предопределили в условиях форсированной индустриализации СССР коренное изменение содержания государственной политики в регионе. Власти возродили здесь, как и на Севере в целом, традиционную для российской истории колониационную практику сырьевой эксплуатации окраин при полном игнорировании интересов коренных жителей территории. Институциональным оформлением этой политики на Северо-Востоке стал Дальстрой.

В третьем разделе проведен анализ формирования и развития организационно-правовых оснований деятельности Дальстроя в 1930–1950-х гг. и специфики осуществления им социально-экономических и административно-политических преобразований жизни региона в условиях второй волны колонизации.

Государственный трест по дорожному и промышленному строительству «Дальстрой» в районе Верхней Колымы был создан решениями ЦК ВКП(б) 11 ноября и СТО СССР 13 ноября 1931 г. Основной его задачей провозглашалась резкая интенсификация золотодобычи. Изучение автором настоящей работы советского законодательства 1920–1930-х гг., регулировавшего деятельность государственных трестов, привело его к выводу о том, что статус Дальстроя как треста не имел ничего общего с тем содержанием, которое действовавшее законодательство вкладывало в это понятие. Очевидно, что дефиниция «трест» стала эвфемизмом, маскировавшим реальные цели и задачи новой организации в рамках хозяйственно-экономического лексикона, характерного для периода нэпа.

С самого начала своего существования он стал экстерриториальной организацией, подчинявшейся непосредственно высшему партийно-государственному руководству. Масштабы территории его деятельности возросли с 400–450 тыс. км² в 1932–1935 гг. до 2266000 км² в 1941 г. (1/10 территории СССР 1940 г.) и до 3 млн км² в 1953 г., что составило более 1/7 части всей территории страны.

Дальстрой получил всеобъемлющие полномочия по управлению жизнью огромной территории. Его директор (Э.П. Берзин), помимо руководства собственно промышленным и дорожным строительством, выполнял обязанности по административному управлению подведомственными районами как уполномоченный Далькрайисполкома и обязанности руководителя парторганизацией в районе деятельности «треста» как уполномоченный Далькрайкома ВКП(б). Эти обстоятельства привели к упразднению в 1934 г. Охотского (Эвенского) округа, что лишило коренное население Колымы лишь недавно полученной национальной государственности. Впоследствии, с расширением территории деятельности Дальстроя, была серьезно ограничена сфера компетенции органов управления Чукотского и Корякского национальных округов.

Для обеспечения работ Дальстроя на Колыме в апреле 1932 г. был создан Севвостлаг ОГПУ, который тем не менее от ГУЛАГа получал лишь контингенты заключенных и подчинялся ему по вопросам режима их содержания. Фактически же главком по отношению к Севвостлагу являлся Дальстрой, с самого начала своей истории ставший производственно-лагерным комплексом. Использование методов штрафной колонизации отдаленных окраин, характерное для дореволюционной России, стало имманентной чертой деятельности Дальстроя на всем протяжении его истории.

Увеличение масштабов экономических задач, решавшихся НКВД СССР во второй половине 1930-х гг., привело к передаче Дальстроя в ведение этого всеильного ведомства (март 1938 г.) и его реорганизации в Главное

управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой» (ГУ СДС) – территориально-производственный главк, в составе которого лагерь был одним из многих управлений.

В 1939 г. была предпринята попытка создания на Колыме обычных конституционных советских и уставных партийных органов. ВС РСФСР 14 июля создал здесь Колымский округ, которому Дальстрой должен был постепенно передать все непроизводственные функции. Однако в августе после личного вмешательства И.В. Сталина, назвавшего Дальстрой «комбинатом специального типа», чья «...специфика требует особых условий работы, особой дисциплины, особого режима...», Колымский округ был ликвидирован и чрезвычайные формы управления жизнью края были восстановлены. Отмеченное позволяет утверждать наличие на Северо-Востоке в 1930–1950-х гг. специального режима управления.

В 1952 г. Дальстрой был реорганизован в Главное управление лагерей и строительства Дальнего Севера МВД СССР (ГУЛ и СДС), что явилось следствием желания властей ужесточить руководство социально-экономическим развитием региона в условиях явно проявившегося кризиса социальной и производственной инфраструктуры, сформированной в 1930–1950-х гг.

Но уже спустя две недели после смерти И.В. Сталина (18 марта 1953 г.) Дальстрой, как и многие другие производственно-лагерные комплексы МВД СССР, был передан в подчинение гражданского ведомства. Отныне Дальстрой подчинялся Министерству металлургической промышленности. Его лагерные подразделения перешли в ведение ГУЛАГа, который, в свою очередь, 2 апреля 1953 г. из МВД был передан Министерству юстиции. Это стало фактическим признанием провала чрезвычайных форм и методов, применявшихся государством в эпоху второй волны колонизации Северо-Востока. В декабре 1953 г. была образована Магаданская область с соответствующими советскими и партийными органами, и Дальстрой лишился всех административных и политических функций. В феврале 1954 г. его вновь переподчинили, уже Министерству цветной металлургии СССР, а в мае–июне 1957 г. Дальстрой был упразднен, и на его месте возник Магаданский совнархоз.

История Дальстроя – это история не просто хозяйственной организации, решавшей масштабные задачи по социально-экономическому развитию отдаленной окраины нашей страны. Речь здесь идет об использовании чрезвычайных форм государственной политики по осуществлению второй волны колонизации Северо-Востока с использованием присущих им методов «штрафной колонизации», концентрации колоссальных властных функций, опоры на собственный карательный аппарат и т.д.

Глава 3 «Производственная и социальная инфраструктура Дальстроя в 1930-х гг.» посвящена исследованию основных направлений социально-экономического развития Севера Дальнего Востока в течение предвоенного десятилетия, реализация которых была осуществлена Дальстроем.

В **первом разделе** анализируется его деятельность по созданию основ транспортной и производственной инфраструктуры в регионе. Вплоть до

1936 г. основной задачей Дальстроя было создание системы связи приисков с транзитными пунктами на морском побережье.

В 1933 г. началось строительство порта в бухте Нагаево, которое осуществлялось преимущественно вручную силами заключенных, и в июне 1936 г. порт Дальстроя Нагаево был официально включен в списки портов СССР. В период 1932–1940-х гг. объемы перерабатываемых здесь грузов из центральных районов страны возросли с 47 до 427,5 тыс. т, а грузов местного каботажа – до 59,4 тыс. т.

Одновременно создавался собственный дальстроевский флот, руководство которым в 1933 г. было поручено Управлению морского транспорта (Мортрану). В 1937 г. УМТ располагало 4 пароходами большого каботажа, а также 9 катерами и 10 баржами, обеспечивавшими местные морские перевозки. Процессы консолидации управления морским транспортом привели в апреле 1940 г. к объединению функционала Управления морского транспорта (Мортран) и собственно порта Нагаево в единое целое и созданию Управления Нагаевского торгового порта (УНТП).

Удельный вес другого пункта перевалки грузов, прибывавших морем, порта Амбарчик (Восточно-Сибирское море) в среднем за десятилетие составил около 6 %. Начиная с 1940 г. стал действовать порт Певек в Чаунской губе, задачей которого было обеспечение оловодобывающих предприятий на Чукотке. В 1932–1941 гг. в район деятельности Дальстроя пришло 544 морских судна, которые доставили 2242 тыс. т различных грузов. Доля судов собственно Дальстроя в этом количестве составила 1214,7 тыс. т.

В 1930-х гг. сформировался и речной флот Дальстроя на р. Колыме. В 1933 г. было сформировано Колымское речное управление Дальстроя (КРУДС), задачей которого стала организация перевозок грузов вверх по Колыме и создание соответствующей транспортной инфраструктуры. Четырьмя Лено-Колымскими экспедициями (1933–1937 гг.) из устья Лены в бассейн Колымы доставлялись речные пароходы и баржи. В результате количество самоходных речных судов здесь к 1939 г. достигло 54, несамоходных – 100, а грузоподъемность флота КРУДС в 1940 г. составила 25,4 тыс. т. Основной топливной базой колымского речного флота служило Зырянское угольное месторождение.

Однако наибольшее количество грузов доставлялось горнякам по колымской автотрассе от Магадана в бухте Нагаево. В 1933 г. дорожно-строительные участки Дальстроя были преобразованы в Управление дорожного строительства. К 1942 г. УДС было построено свыше 3100 км дорог, из которых 902 км – классные автодороги и более 2200 км – автодороги облегченного типа. Эти работы, проведенные во многом вручную при остром дефиците дорожно-строительной техники, сыграли важнейшую роль в развитии горной отрасли края.

В 1934 г. в структуре «треста» создается Управление автотранспорта (УАТ). К 1942 г. автотракторный парк Дальстроя составлял 4014 грузовых автомашин и 856 тракторов. За 10 лет деятельности автотранспортом Дальстроя было перевезено в общей сложности 1317,7 тыс. т грузов, из которых на период

1932–1937 гг. пришлось только около 21 %. Бичом автотранспорта уже в это время стали нехватка квалифицированных водителей и высокая изнашиваемость автомашин, которая не компенсировалась ремонтной базой, находившейся в зачаточном состоянии.

Транспортные возможности Дальстроя могли бы быть существенно расширены за счет развития железнодорожного транспорта, но сокращение государственных капиталовложений в конце 1930-х гг. оставило эти вопросы открытыми. В том числе государство отказалось и от проекта строительства Байкало-Колымской магистрали, которая должна была пройти от трассы БАМа через Якутию на Чукотку. Невысокими темпами развивалась и авиационная отрасль транспорта Дальстроя.

Однако формирование системы транспортных коммуникаций на Северо-Востоке сделало возможным значительное увеличение объемов золотодобычи.

Второй раздел посвящен изучению динамики развития горнодобывающей промышленности на Колыме и Чукотке в 1930-х гг.

Начало интенсивного промышленного строительства на Колыме сопровождалось резкой интенсификацией геологоразведочных работ в регионе. Количество геологических партий росло: в 1932 г. их здесь работало 29, в 1934 г. – 70, в 1940 г. – 102. Ассигнования, выделяемые на геологоразведку, в 1932–1935 гг. увеличились в 5,5 раза.

Исследованиями геологов В.А. Цареградского, А.П. Васьковского, Л.А. Сняtkова, Е.Т. Шаталова, Б.И. Вронского, М.Г. Котова, Д.В. Вознесенского, Ф.К. Рабинович, К.А. Шахворостовой и др. было доказано существование золотоносной полосы, наличие которой предположил Ю.А. Билибин, и определены ее границы. В 1936 г. перспективные запасы золота для основного золотоносного района в верховьях Колымы определялись объемом в 8,57 т на 1000 км², а в целом для обследованной золотоносной площади в 360 тыс. км² – 840 т благородного металла, пригодного для мускульной и механической добычи из россыпей и рудных тел. Позже отмечалось, что большинство колымских россыпей содержало около 2–5 т золота, реже от 5 до 15 т и, как исключение, свыше 15 т. Но именно последние и давали главную массу добываемого золота.

Необходимость централизации и координирования геологических работ привела к созданию в 1939 г. в структуре Дальстроя Геологоразведочного управления во главе с В.А. Цареградским, которому были подчинены созданные на местах районные ГРУ.

В целом в 1932–1941 гг. геологами Дальстроя исследовались месторождения не только золота, но и олова на Колыме, Индигирке, Теньке, в верховьях р. Яны. На Чукотке изучались оловянные и вольфрамовые месторождения. Были открыты серьезные запасы угля и др.

Итоги работы геологов позволяли расширять структуру горнодобывающих предприятий, развитие которой привело к созданию в 1935 г. Южного (пос. Оротукан) и Северного (пос. Хатыннах) горнопромышленных управлений, добывавших россыпное золото в основном районе деятельности Дальстроя. Позже, следуя результатам геологических работ и автодорожного

строительства, образовались золотодобывающие Западное (пос. Сусуман) ГПУ (1938 г.), Тенькинское (пос. Усть-Омчуг) ГПУ (1939 г.), Чай-Урьинское (пос. Нексикан) ГПУ.

Открытие промышленных запасов рудного олова стало причиной создания в 1938 г. Юго-Западного ГПУ, специализировавшегося на извлечении олова и золота из руд. Передача Дальстрою в 1939 г. территории Чукотки и разведочные работы на олово привели в 1941 г. к созданию здесь Чаун-Чукотского горнопромышленного комбината. В это же время на базе разведанных месторождений олова (северо-восточнее Магадана) был организован Омсукчанский горнопромышленный комбинат. Для освоения запасов олова уже на территории Якутии в 1941 г. формируется Янское горнопромышленное управление.

Перечисленными предприятиями в 1932–1941 гг. было добыто 390270 кг химически чистого золота и 5892,7 т олова в концентрате (1937–1941 гг.). Колыма стала крупнейшим золотодобывающим районом страны, войдя в число и мировых лидеров добычи благородного металла. Только в 1940 г. Дальстроем было добыто 80 т химически чистого золота, что стало наибольшим показателем за всю его историю.

Руководство страны настоятельно требовало золота, и деятельность Дальстроя была подчинена исключительно выполнению плановых заданий в ущерб планомерному исследованию территории Северо-Востока. Программа золотодобычи строилась не на основании конкретно выявленных природных ресурсов, определенных разведкой на несколько лет вперед, а, наоборот, разведка чаще всего спешно готовила запасы для произвольно названной программы золотодобычи предстоящего промывочного сезона. Открытые россыпи сразу же поступали в разработку. В целях форсирования добычи золота Дальстрой производил хищническую обработку площадей на наиболее богатых участках. В этих же целях Дальстрой разрабатывал золотые россыпи, требовавшие сравнительно небольших капитальных затрат в сравнении с рудными месторождениями. Результатом такой практики стало значительное снижение среднего содержания золота в горных породах. В 1932–1937 гг. для получения 1 кг химически чистого золота здесь перерабатывалось 168,3 м³ горной породы и промывалось 42,6 м³ золотосодержащих песков. В 1938–1940 гг. 1 кг металла производился в результате переработки уже 244,7 м³ породы и промывки 70 м³ песков.

Другим условием обеспечения столь значительных результатов стала широкомасштабная эксплуатация мускульного труда работников и, прежде всего, заключенных. В 1932–1940 гг. на приисках Дальстроя, в частности, было переработано 68,79 млн м³ горной породы. При этом объемы работ, выполненных с помощью экскаваторов, составили менее 15 % от этого количества (10,72 млн м³). Такое же положение можно фиксировать и для оловянных рудников и приисков на Колыме и Чукотке, обладавших, как и золотоизвлекающие предприятия, крайне низким уровнем энергообеспеченности и механизации.

Анализ деятельности горнодобывающей отрасли Дальстроя в 1932–1941 гг. показывает, что уникальные богатства недр Северо-Востока, ставшего сырьевым придатком советской экономики, подверглись хищнической эксплуатации, которая перекрывала возможности их планового и рационального освоения.

В **третьем разделе** изучаются процессы формирования и структуры трудовых ресурсов на Северо-Востоке СССР в 1932–1941 гг. Они четко делились на три основные группы: заключенных, принудительно доставлявшихся в регион, вольнонаемных работников, приезжавших сюда добровольно, и коренного населения – представителей народов Севера.

Заключенные на Колыме в указанный период ежегодно составляли не менее 82 % всех работников Дальстроя, за исключением 1932 г. (76 %), когда Дальстрой только приступил к деятельности на Колыме, и полувоенного 1941 г. – 70,4 %. Ежегодный прирост численности контингентов Управления Северо-восточным ИТЛ примерно совпадал с темпами прироста общего количества работников. На конец 1932 г. здесь находилось 9928 лагерников, 1936 г. – 62703, 1939 г. – 163475, 1941 г. – 148301. Заключенные, работавшие на предприятиях Дальстроя в конце 1939 г., составили уже 12,2 % от среднегодовой численности заключенных во всех лагерях НКВД, что вывело УСВИТЛ в число наиболее крупных лагерных комплексов.

Наибольшее количество подразделений УСВИТЛа имело производственный характер, для чего была введена трехуровневая система лагподразделений: отдельный лагерный пункт (ОЛП) – подОЛП – командировка. Статус каждого лагерного подразделения, управлявшегося по принципу единоначалия руководителем конкретного производственного предприятия и управления Дальстроя, зависел от целей создания, объемов производства и масштабов их деятельности. Заключенные также делились на три категории в зависимости от степени их трудоспособности: группа «А» – занятые на основных и вспомогательных работах; группа «Б» занималась обслуживанием лагерей (лагерная обслуга); группа «В» состояла из неработающих заключенных, прежде всего, больных.

1930–1937 гг. были временем, когда официальной доктриной в отношении осужденных преступников стала теория «перековки» – исправления правонарушителей и противников режима общественно полезным трудом. Поэтому на Колыме это период может быть охарактеризован относительно мягким, в целом, режимом содержания и трудового использования лагерников. Но уже в 1938 г. произошел значительный перелом, связанный с событиями «большого террора». Если в начале 1937 г. в подразделениях Дальстроя лагерников с бытовыми статьями (наиболее трудоспособная часть лагеря) было 48 % от всего состава, то уже в начале 1938 г. их число снизилось до 12 %. Колыма быстро превращалась в политическую каторгу, а передача Дальстроя в ведение НКВД привела к значительному ужесточению положения заключенных. Администрацией в этот период стало особенно поощряться противопоставление «социально близких» лагерников (бытовиков) так называемым врагам народа, что еще больше осложняло положение последних.

Опыт 1930-х гг. показал, что стремлению руководства Дальстроя на основе освобождающихся заключенных сформировать постоянные рабочие кадры в регионе препятствовало желание большинства лагерников, отбывших срок наказания, немедленно покинуть Колыму.

Вольнонаемные кадры Дальстроя формировались в это время тремя основными способами: вербовка договорников на 2–3 года работы на Колыме; направление на Колыму и Чукотку военнотружеников для прохождения службы; закрепление, зачастую принудительное, в регионе освобождавшихся заключенных. Численность вольнонаемных работников здесь в конце 1932 г. составила 3125 человек (или 24 % от всей численности рабочей силы), в 1935 г. – 5700 (11,3 %), в 1939 г. – 26351 (13,9 %), в 1941 г. – 62373 человека (30 %).

Заработная плата вольнонаемных дальстроевцев была в целом значительно выше, нежели в других районах страны, они обладали значительным количеством дополнительных льгот и преференций. Однако уровень условий их жилищно-бытового, продовольственного и промтоварного обеспечения оставался крайне низким, что в суровых условиях Севера не способствовало их желанию продлевать действие договора с Дальстроем. Неудовлетворительное качество вербовки договорников, в совокупности с отмеченным, способствовало высокой текучести и постоянной нехватке необходимых квалифицированных специалистов, что стало одной из основных характеристик трудовых ресурсов на Северо-Востоке.

Коренное население Колымы (на 01.01.1939 г. составляло 5227 человек) проживало в Ольском, Северо-Эвенском и Среднеканском районах, подведомственных Дальстрою со времени ликвидации Охотского (Эвенского) национального округа (1934 г.). Администрирование в их отношении осуществляло Управление Уполномоченного Далькрайисполкома (с 1933 г.) и Административно-гражданский отдел (с 1938 г.).

В 1939 г. коренные жители края трудились в 25 колхозах (артелях и товариществах), поставлявших в соответствии с утверждаемым Дальстроем планом в его адрес разнообразную продукцию, прежде всего продукцию рыболовства. В районах появились школы и медицинские учреждения. Тем не менее перевод аборигенов на оседлый образ жизни не сопровождался адекватным строительством жилья, дебиторская задолженность колхозов во много раз превышала стоимость их неделимых фондов, производительность труда из-за почти полного отсутствия механизации была крайне низкой, к высокой смертности приводили туберкулез и эпидемии гриппа и т.д. А деятельность горных предприятий, не сопровождавшаяся рекультивационными работами, приводила к сокращению хозяйственных угодий и постепенной деградации традиционных производственных занятий малочисленных северных народов, составлявших основу их культурного своеобразия.

Таким образом, в течение 1932–1941 гг. на территории Северо-Востока была возобновлена традиционная для окраин России колонизационная практика, характеризовавшаяся хищническим использованием ресурсов территории, широкомасштабным применением труда осужденных преступников, пренебрежением интересами коренного населения.

Глава 4 «Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР («Дальстрой») в годы Великой Отечественной войны» посвящена динамике социально-экономического развития Северо-Востока России в сложный период военного противостояния с нацистской Германией. В это время произошло резкое сокращение капиталовложений в деятельность Дальстроя (в 1941–1943 гг. – более 38 %), а также доставки сюда необходимых материалов, оборудования, техники, продовольствия и трудовых ресурсов.

В **первом разделе** анализируются особенности развития горнодобывающего комплекса региона в 1941–1945 гг.

Возросшая потребность государства в ценных видах природных ископаемых в годы войны привела к резкой интенсификации геолого-поисковых и геологоразведочных работ, удельный вес инвестиций в которые, на фоне общего снижения объема капиталовложений, имел тенденцию к росту. Отмеченное привело к тому, что в 1941–1944 гг. геологами Дальстроя были разведаны запасы 356 т золота, 198910 т олова, 28432 т вольфрама, 156927 тыс. т ископаемых углей. Разведкой россыпных месторождений золота за это время было выявлено 150 абсолютно новых объектов с общим запасом золота в 200 т и сдано в эксплуатацию 80 из них. Стали известны 3 вольфрамовых и 2 кобальтовых месторождения. Из 12 новых оловорудных месторождений (общий запас 126200 т) шесть поступило в эксплуатацию. К концу 1944 г. специалисты ГУ СДС закончили фундаментальную работу по составлению сводных геологических карт и специальных карт полезных ископаемых полумиллионного масштаба, отражавших состояние исследованности, разведанности, запасы и перспективы обнаружения полезных ископаемых на территориях горных управлений.

Несмотря на это обеспеченность горной промышленности Дальстроя разведанными запасами минерального сырья оставалась низкой. В конце 1945 г. запасы по золоту могли обеспечить добычу лишь на 3 года, а по олову на 5 лет. Такое положение сложилось в силу того, что геологоразведка в 1941–1945 гг. была ориентирована исключительно на месторождения с наиболее богатым содержанием металлов.

Аналогичное положение было характерно и для золотодобывающей отрасли Севера Дальнего Востока. Предприятия с низким содержанием металла закрывались или консервировались, а имевшаяся техника и рабочие перебрасывались на прииски, способные дать максимальное количество золота. Так, созданные в сентябре 1941 г. в долине р. Омчуг (Тенькинское ГПУ) прииски «им. Ворошилова», «им. Тимошенко», «им. Буденного» уже в 1942 г. добыли 21435 кг золота. В 1944 г. в связи с истощением запасов металла было ликвидировано Южное ГПУ, но одновременно в перспективном районе Индигирки создано Индигирское ГПУ. В целом к 1944 г. были ликвидированы одно горное управление и 21 прииск. Одновременно были введены в строй 17 новых приисков. Общее количество приисков за эти годы сократилось более чем на 21 %. А суммарное количество добытого новыми приисками золота выросло в 1941–1943 гг. в 15,5 раза.

В 1941–1945 гг. Дальстрой добыл чуть более 360 т химически чистого золота. Заметное улучшение механизации горных работ произошло лишь в 1944–1945 гг., когда по ленд-лизу Колыма получила большое количество экскаваторов, бульдозеров и др. Тем не менее около трети колымского военного золота (106,5 т) было добыто исключительно вручную.

В силу слабой разведанности в предыдущий период рудных месторождений добыча рудного золота не могла оказать решающего влияния на объемы извлечения металла. В течение войны она обеспечила лишь 1 т золота. А получившая в годы войны дополнительные импульсы хищническая добыча россыпного золота вновь привела к резкому падению его среднего содержания в горных породах: с 12,04 г/м³ в 1942 г. до 7,58 г/м³ в 1945 г. Чрезвычайно распространенным стало использование экстраординарных методов эксплуатации трудовых ресурсов.

Для оловодобывающей отрасли Дальстроя в целом были характерны те же явления. На фоне закрытия и консервации многих предприятий заметным событием стало создание в 1942 г. на основе Чаун-Чукотского ГПУ нового Чаун-Чукотского горнопромышленного управления. Оно стало безусловным лидером в оловодобыче на Севере Дальнего Востока.

За годы войны Дальстрой добыл 19320 т оловянного концентрата, в том числе из россыпных месторождений – 4837 т (или чуть более 25 %). Особое значение для достижения этого результата имели построенные 13 новых обогатительных фабрик с проектной суточной производительностью 1965 т в сутки: с начала 1941 г до середины 1944 г. обогатители Дальстроя переработали 1373,1 тыс. т оловосодержащей руды. А ее добыча была облегчена созданием в военное время на горно-рудных предприятиях компрессорных станций, позволивших полностью перевести отбойку горной массы с ручного на механическое бурение.

1941–1944 гг. ознаменовались и началом извлечения «третьего» (после золота и олова) металла Колымы – вольфрама: общий объем добычи составил 280 т трехоксида вольфрама. В это же время, в соответствии с заданиями правительства, на Колыме и Чукотке начались активные геологические работы по поиску месторождений урана. За значительный вклад в оборону страны Дальстрой 14 февраля 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В годы войны, за исключением 1941 г., Дальстрою удавалось полностью выполнять плановые задания по добыче ценных видов минерального сырья. Но это вновь достигалось, даже при условии заметного роста механизации производства, преимущественно методами хищнической разработки наиболее богатых россыпных и рудных месторождений золота и олова. Эксплуатация горных полигонов и подземная добыча руд с наиболее значительным содержанием металлов в породах подрывали возможности дальнейшего развития отрасли.

Во **втором разделе** представлена картина функционирования в 1941–1945 гг. вспомогательных отраслей хозяйственного комплекса Дальстроя, бурное

развитие которого в этот период определялось существенным снижением объемов обеспечения региона всем необходимым с «материка».

Объемы грузопотоков для Дальстроя достигли минимума в 1943 г. – почти в 2,4 раза ниже показателей 1941 г. И лишь затем начался постепенный рост. При этом даже в 1945 г. тоннаж грузопоставок на Северо-Восток был ниже, чем в 1941 г. Ведущим портом Дальстроя, принимавшим наибольшее количество грузов, оставался Нагаевский. С 1942 г. значительное количество грузов стало поступать на Северо-Восток из США по программе ленд-лиза. Это позволило компенсировать резкое сокращение отечественных поставок. Морской флот ГУ СДС и его порты сыграли заметную роль в доставке и перевалке импортных грузов, значительная часть которых предназначалась для Дальстроя. Речному флоту на Северо-Востоке в целом удалось сохранить парк судов и барж и выполнить плановые задания по перевозкам.

В годы войны возросло значение авиационного транспорта, который, помимо возросшего объема грузо- и пассажироперевозок, обеспечил и проведение аэрофотосъемки территории Дальстроя, что способствовало более детальному геологическому ее изучению. Во многом благодаря ГУ СДС в 1942–1945 гг. было обеспечено устойчивое функционирование воздушной трассы АЛСИБ, по которой из США в СССР доставлялась боевая авиатехника.

Выполнение магистральных автомобильных перевозок на Северо-Востоке осложнялось жесткой экономией горючего и износом имевшегося автопарка. С 1942 г. быстро стало расти количество газогенераторных автомобилей, удельный вес которых в 1944 г. составил уже 42,8 % грузовиков. Топливо для них заготавливалось на 37 базах общей производительностью 191,5 тыс. м³ древесной чурки в год. С началом поставок импортной автотехники в 1944 г. стало улучшаться качество автопарка. Очень эффективной оказалась эксплуатация большегрузных «даймондов», перевозивших в среднем по 38–40 т грузов.

Введение в эксплуатацию новых объектов горной отрасли с наиболее богатым содержанием металлов актуализировало рост автодорожного строительства. Наиболее сложным его объектом в этот период стала пересекающая Верхоянский хребет трасса Кадыкчан – Алдан (730 км), давшая выход в бассейн судоходного Алдана. До середины 1944 г. общая протяженность автотрасс здесь возросла на 2023 км. Если до войны ежегодный прирост эксплуатируемых дорог составлял 165 км, то в военный период 575 км. Однако форсированный характер строительства обусловил крайне низкое его качество.

В развитии энергетического комплекса ГУ СДС продолжала господствовать мелкая энергетика, в 1943–1944 гг. составлявшая не менее 60 % всей мощности энергохозяйства. Однако важнейшим фактом развития энергосистемы ГУ СДС в середине 1940-х гг. стало формирование в районах наиболее активных горных разработок и размещения промышленных мощностей крупных энергетических узлов. К ним относились Аркагалинский, Омсукчанский, Таскано-Эльгенский, Тенькинский, Индигирский и Чаунский энергоузлы. Промышленные предприятия Магадана стал обслуживать Магаданский энергоузел. Заметный

вклад в развитие энергетики региона в это время внесли поставки энергооборудования из США.

Энергетика Дальстроя развивалась в тесной связи с угольной отраслью. В 1945 г. разведанные запасы угля составили 231,3 млн. т, а добыча достигла 603 тыс. т. Крупнейшим угледобывающим районом управления «Дальстройуголь» в годы войны стала Аркагала. Уголь добывали в Хасыне, Эльгене и Зырянке. С 1943 г. вступили в эксплуатацию Мелководненское и Первомайское месторождения. Оборудование на угольных предприятиях оставалось примитивным, лишь в самом конце войны здесь стало использоваться небольшое количество средств механизации. Характерной чертой угледобычи стала хищническая эксплуатация наиболее богатых участков месторождений, что привело к резкому истощению запасов топлива.

Сокращение поставок с «материка» обусловило создание на Колыме собственной металлургии, металлообработки и машиностроения. В 1944 г. на Колыме и Чукотке действовало 4 завода и 8 механических мастерских при горнопромышленных управлениях, освоивших выпуск необходимого оборудования и запчастей. Те же причины стали основанием для формирования местной промышленности в регионе, до войны отличавшейся зачаточным уровнем развития. Начали работу стекольный завод, предприятия по производству электроматериалов и электрооборудования, обуви. Дальстроем были созданы цех регенерации резины, цех по производству серной кислоты, цех валяной обуви, ватная и швейная фабрики и др.

Предприятиями пищевой промышленности был резко увеличен объем продукции, сырьем для которой служили, прежде всего, дикоросы. Продовольствием население Дальстроя обеспечивали совхозы Управления сельского хозяйства, Приморского управления и Управления рыбопромыслового хозяйства и др., свой вклад в обеспечение продовольствием вносили и колхозы национальных районов Колымы.

Складывание структуры названных отраслей экономики региона в годы войны производилось в спешном порядке, в условиях отсутствия необходимых специалистов, материалов и оборудования. Производство отличалось полукустарным затратным характером и низким качеством конечной продукции. Это было следствием государственной политики предыдущего времени, когда форсированное извлечение золота и олова не сопровождалось планомерным комплексным развитием экономики региона. Уверенно прежде обозначившийся моноотраслевой перекоп хозяйства Северо-Востока (ориентация на развитие горнодобывающей промышленности) еще более укрепился.

В **третьем разделе** автором анализируются изменения, происходившие в военное время в структуре трудовых ресурсов Дальстроя. Особенностью этого периода явилось то, что практически до 1944 г. ГУ СДС не получал пополнений заключенных.

Система лагерных подразделений в годы войны не отличалась стабильностью, так как они закрывались и создавались, следуя изменениям структуры горных предприятий. В то же время в 1944 г. произошло уникальное

явление, когда количество вольнонаемных работников Дальстроя впервые превысило число лагерников. Этому способствовали два обстоятельства. 1. Высокая смертность в лагерях в годы войны из-за усиления эксплуатации заключенных, резкого сокращения продуктового и вещевого довольствия и внутрилагерных репрессий. Только в 1943 г. здесь умерло 11156 чел. 2. Освобождение лагерников, отбывших срок наказания, и принудительное закрепление их на работах в Дальстрое. В течение 1941–1945 гг. из Севвостлагерей были освобождены 131915 заключенных, из которых 27116 чел. выехали на «материк». В результате, если в конце 1941 г. в лагерях на Колыме и Чукотке содержалось 148,3 тыс. чел., то в конце 1944 г. здесь находилось лишь 87,5 тыс. лагерников (46,6 % от общей численности работников).

В 1943 г. в структуре УСВИТЛ были созданы каторжные подразделения. Но сколь-нибудь заметное количество каторжан извне стало поступать на Колыму лишь в 1945 г. На 1 сентября их здесь находилось 7988 чел. В 1945 г. здесь был сформирован лагерь № 855-Д для содержания японских военнопленных. Насчитывавшие на 1 января 1946 г. 3989 чел. японцы были заняты на дорожном и жилищном строительстве, работах в порту Нагаево и лесоразработках. Тогда же на Колыму стали поступать спецпереселенцы, труд которых использовался на некоторых горных предприятиях. Таким образом, в военные годы количество категорий подневольных работников ГУ СДС увеличилось.

За годы войны в Дальстрой прибыло только 160 человек договорников. К концу 1945 г. из около 9 тыс. специалистов, только 8 % работало здесь менее 4 лет, 42 % работало по 4–5 лет и 50 % – по 6–8 и более лет. За счет освобождавшихся заключенных общее количество вольнонаемных работников ГУ СДС выросло с 62,4 тыс. чел. в 1941 г. до 101,6 тыс. в 1945-м. Вольнонаемное население концентрировалось преимущественно в г. Магадане и поселках горных управлений. В 1945 г. в его структуре мужчины составляли 91,3 % всех работающих. Это обстоятельство не способствовало созданию семей и серьезно препятствовало закреплению жителей в регионе. Решить эту проблему не позволил и приезд в августе 1945 г. на Колыму по комсомольскому призыву 2000 девушек.

Положение вольнонаемного населения в годы войны стало стремительно приближаться к положению заключенных. С мая 1942 г. на них распространилось действие указов ПВС СССР, запрещавших под угрозой уголовного преследования самовольный уход с предприятий и предписывавших мобилизации городского населения на работы в промышленности и строительстве. В октябре того же года и до 1 марта 1945 г. дальстроевцы были лишены северных надбавок и прочих льгот. Условия их труда и быта значительно ухудшились. В результате общая смертность вольнонаемных дальстроевцев в 1941–1944 гг. увеличилась с 6,1 до 17,9 на 1 тыс. чел., а в 1945 г. выросла еще на 13,3 %.

Перечисленные обстоятельства, а также практика административного удержания работников в Дальстрое вызвали уже в 1944 г. побеги вольнонаемных, стремившихся любыми путями покинуть территорию ГУ СДС.

Администрация даже была вынуждена применять специальные меры по воспрепятствованию этому явлению.

Военные годы, отличавшиеся усилением чрезвычайных мер эксплуатации Дальстроем природных и человеческих ресурсов, в силу исключительных условий этого периода лишь сдержали сползание советской модели колонизации северных окраин к своему всеобъемлющему кризису, что ярко проявилось в последующее время.

В главе 5 «Кризис организационных форм и методов социально-экономического развития Северо-Востока. 1946–1957 гг.» соискатель исследует нарастание кризисных явлений в экономике региона, приведших в середине 1950-х гг. к ликвидации Дальстроя и отказу властей от «штурмовых» методов освоения природных богатств края.

Первый раздел посвящен процессам, разворачивавшимся в горной промышленности территории. Потребность государства в ценных видах минерального сырья не снизилась после войны. Теперь эти ресурсы были необходимы для восстановления народного хозяйства и содержания политических режимов в странах «социалистического лагеря».

Но оказалось, что технологически слабый, обладавший в целом низкоквалифицированными трудовыми ресурсами, обескровленный в годы войны Дальстрой в 1946–1948 гг. не выполнил плановых заданий по золотодобыче. Причины этого крылись в экстенсивном характере производства: хищническая добыча металла разубоживала россыпи, снижала содержание золота в породах. Если в 1944 г. на 1 т россыпного шлихового золота требовалось переработать 197 тыс. м³ породы, то в 1948 г. – 440 тыс. м³, а в 1949 г. – уже 588 тыс. м³. Нехватка техники и оборудования не позволял компенсировать это снижение увеличением объемов горных работ. Именно по этим причинам в 1946 г. было ликвидировано Чай-Урьинское ГПУ, а рост числа золотодобывающих предприятий не способствовал кардинальному улучшению положения.

Геологоразведка, также обладавшая слабыми техническими и кадровыми ресурсами, не могла обеспечить прирост балансовых запасов золота, занимаясь лишь детализацией ранее выявленных золотоносных узлов. Крупных россыпей, за исключением Берелехской, в это период выявлено не было. В первой половине 1950-х гг. геологи Дальстроя также не сумели открыть ни одного крупного месторождения металла. Крупные и богатые месторождения россыпного золота в главной Колымской золотоносной зоне к середине 1950-х гг. были уже отработаны. Не хватало запасов и оловодобыче. На 1 января 1949 г. суммарные геологические запасы этого металла по 63 коренным и 144 россыпным месторождениям составляли 341,5 тыс. т, а балансовые – лишь 69,8 тыс. т (28,5 %). Большие надежды в развитии добычи олова и вольфрама связывались со строительством Иультинского горнорудного комбината, для строительства которого в 1946 г. было создано Управление «Чукотстрой». Однако вплоть до конца изучаемого периода ИГРК так и не вошел в строй в силу постоянной нехватки материалов, оборудования и рабочих рук.

В таких же сложных условиях в 1947 г. Дальстрой начал добычу кобальта, в 1948 г. возобновил добычу вольфрама. В том же году специально созданное на Северо-Востоке Первое управление (п/я № 14) стало заниматься разведкой и эксплуатацией урановых руд.

К концу 1940-х гг. стало очевидным, что ГУ СДС нуждается в корректировке производственных заданий, которые были существенно снижены, что позволяло Дальстрою достигать уменьшенных объемов золотодобычи. Однако колымское золото на рубеже 1940–1950-х гг. в планах правительства уступило место олову, разведке и добыче которого стало уделяться больше внимания. Динамика оловодобычи в 1950-х гг. оказалась относительно стабильной, за исключением 1952 г., когда ГУЛ и СДС был достигнут максимальный результат в его истории – 5,53 тыс. т оловоконцентрата. До начала 1950-х гг. ведущие позиции в оловодобыче здесь прочно удерживала Чаун-Чукотка, но к 1956 г. уже Янское управление извлекало более 50 % всего олова.

Тем не менее техническое оснащение горных предприятий края оставалось крайне низким. Руководство страны, МВД и Дальстроя поэтому во второй половине 1940-х гг. вновь прибегло к увеличению количества заключенных на Северо-Востоке, чей мускульный труд должен был обеспечить выполнение планов добычи сырья. Послевоенный максимум численности заключенных (142,8 тыс. человек) здесь был достигнут уже в 1950 г. Однако события 1953–1956 гг., связанные с проведением широкомасштабной амнистии, выездом на «материк» бывших лагерников и т.д., привели к тому, что численность работников Дальстроя резко сократилась. На фоне острой нехватки квалифицированных специалистов эти обстоятельства превратили кризис Дальстроя в агонию. И.о. начальника Дальстроя М.В. Груша 10 сентября 1956 г. прямо констатировал «полную неясность перспективы дальнейшего развития этой системы и особенно ее ведущей отрасли – металлодобывающей промышленности».

Итоги деятельности основной отрасли экономики Дальстроя внешне выглядят впечатляюще. За 24 года геологическим изучением была охвачена территория в 1,9 млн. км²; выявлены крупные промышленные месторождения полезных ископаемых. В 1932–1956 гг. здесь было добыто 1187,1 т химически чистого золота, 65,3 тыс. т оловоконцентрата, 2,85 тыс. т трехоксида вольфрама в концентрате, 397,5 т кобальта в концентрате, 143 т уранового концентрата. Однако тысячи добытых тонн ценных видов минерального сырья в целом не способствовали внедрению соответствующих тому времени горных технологий в регионе, где преобладала мускульная сила. А высокие требования производственных планов, в условиях постоянной нехватки горного оборудования, приводили к хищническим методам обработки месторождений, подрывавшим возможности их дальнейшей нормальной эксплуатации и падению объемов балансовых запасов. Только упразднение Дальстроя в 1957 г. способствовало преодолению кризиса в горной отрасли экономики Северо-Востока.

Во **втором разделе** рассмотрены условия функционирования транспортной отрасли Дальстроя в 1940–1950-х гг. и снабжения его предприятий всем необходимым.

В 1946 и 1947 гг. портовые сооружения в Находке и Нагаево серьезно пострадали от взрывов пароходов, перевозивших взрывчатку. В целом же в послевоенный период обнаружилось, что порты Дальстроя, не обладавшие развитой инфраструктурой и необходимыми кадрами, не в состоянии осуществлять быструю и качественную перевалку грузов, направлявшихся на Северо-Восток. Стали обычными значительные простои судов в портах, условия хранения здесь грузов приводили к их порче. Даже применение средств механизации в первой половине 1950-х гг. не смогло кардинально улучшить положение. Грузы же чаще всего доставлялись в транзитные пункты в Приморье в неподходящей для дальнейшей транспортировки таре, навалом, что уже на этом этапе транспортировки приводило их в негодность.

Собственный морской флот Дальстроя, находившийся в весьма изношенном состоянии, был не в состоянии обслуживать все перевозки, поэтому значительная часть грузов стала доставляться в регион судами Минморфлота и ГУСМП. Поскольку график их перевозок не соотносился с потребностями предприятий Дальстроя, то обычным явлением стала доставка горной техники, оборудования и т.д. уже после окончания промывочного сезона. Эти ведомства обслуживали, прежде всего, свои потребности, что приводило к неритмичности прихода судов в порты Северо-Востока.

Столь же тяжелое положение можно фиксировать и для речного флота Дальстроя, осуществлявшего грузоперевозки по рр. Колыме, Индигирке, Яне.

Объемы автомобильных грузоперевозок также не соответствовали потребностям потребителей. Важнейшими причинами хронического невыполнения автотранспортом плановых заданий стали изношенность автопарка, в т.ч. и импортного, отсутствие запасных частей, агрегатов и возможностей изготавливать их на месте, а также квалифицированных кадров водителей и техников.

Заметно увеличившиеся возможности авиации Дальстроя, которая в 1951 г. насчитывала 4 авиаотряда (49 самолетов) и использовала 11 аэродромов, ограничивались непригодностью большинства машин к эксплуатации в северных условиях и перебоями с топливом. Большое количество марок самолетов и постоянные перебои с запасными частями затрудняли их ремонт.

Часть грузов по территории Дальстроя перевозилась по Магаданской (Магадан – Палатка) и Тасканской (Эльгенуголь – Эльгено-Тасканский энергокомбинат) узкоколейным железным дорогам. Железнодорожные перевозки здесь оказывались убыточными в силу изношенности путей и подвижного состава, что требовало значительных капиталовложений.

Послевоенное десятилетие наглядно продемонстрировало слабость транспортной инфраструктуры Дальстроя и его неспособность обеспечить промышленные предприятия и население Колымы и Чукотки всем необходимым, что, в конечном счете, способствовало еще большему нарастанию кризисных явлений в социально-экономическом развитии региона.

Третий раздел посвящен изучению основных показателей развития топливного, энергетического, дорожно-строительного и сельскохозяйственного производств Дальстроя в послевоенное десятилетие, во многом определявших состояние народнохозяйственного комплекса Северо-Востока.

Во второй половине 1940-х гг. добычу топлива в составе управления «Дальстройуголь» вели 5 угольных районов: Аркагалинский, Эльгенский, Хасынский, Первомайский и Мелководненский. В 1951 г. к ним присоединился район Джебарики-Хая (Якутия). Многочисленные реорганизации угольной отрасли в указанный период имели целью создать более оптимальный режим управления этим практически никогда не выполнявшим производственные задания сектором экономики Дальстроя. Однако снятие ограничений на выезд с Колымы и освобождение лагерников создавали здесь сложнейшую кадровую ситуацию. Нехватка электроэнергии (особенно в Джебарики-Хая), срывы поставок оборудования, взрывчатки и др. часто заставляли угольщиков максимально использовать мускульную силу людей, работавших в тяжелых условиях. Именно здесь фиксировался самый высокий уровень производственного травматизма в регионе.

Постепенный рост механизации, связанный с переходом Дальстроя в ведение гражданского министерства, привел в середине 1950-х гг. к тому, что выемка угля электросверлами достигла 100 %, в 65 % случаев откатка угля производилась электровозами и лебедками и т.д. Однако типичным явлением оставались простои техники из-за отсутствия комплектующих: врубовые машины простаивали по причине отсутствия запчастей, а электровозы – батарей. Закрытие отработанных месторождений угля привело к тому, что в строю действующих предприятий остались лишь аркагалинские и омускчанские шахты. Но они могли обеспечить производственный и социальный комплекс территории лишь на 50 %. В 1957 г. поставка дальневосточного угля в область увеличилась, по сравнению с 1954 г., в 4 раза, но топливный голод утолен не был.

Значение электроэнергетики в 1940–1950-х гг. стало стремительно возрастать в связи с намеченной правительством СССР значительной механизацией предприятий горной промышленности. Поэтому сформированное в 1949 г. Энергоуправление Дальстроя сразу взяло курс на создание в регионе пяти крупных электростанций и ЛЭП большой протяженности. Строительство первой из них – Аркагалинской ГРЭС – началось в 1949 г. Уже в 1951 г. пять энергокомбинатов генерировали энергию для предприятий и населенных пунктов Колымы, к которым в 1954 г. присоединился шестой – Чаунский. В отдаленных районах действовала «приисковая» или местная мелкая энергетика, чья мощность в 1952 г. составляла 24 % общей мощности электростанций ГУ СДС.

Концентрация капиталовложений на развитие энергетики привела, несмотря на проблемы материально-технического и кадрового характера, к высоким результатам. В 1955 г. вступила в строй первая очередь Аркагалинской ГРЭС. Мощность электростанций Дальстроя достигла 154 тыс. кВт, а протяженность линий электропередач – 1650 км. Однако снижение уровня добычи полезных

ископаемых и, прежде всего, золота и олова, породило в середине 1950-х гг. избыток электроэнергии. Разрешение эта ситуация получила лишь в первой половине 1960-х гг., когда вновь начался подъем горной промышленности.

Дорожно-строительные подразделения в обозначенное время занимались активной прокладкой новых трасс. Протяженность магистральных дорог увеличилась с 2450 км в 1947 г. до 3088 км в 1952 г. Основные объекты строительства находились в пограничных с Якутией районах, где форсированно развивалась оловодобыча. Поддержание имевшихся дорог в удовлетворительном состоянии обеспечивало Управление шоссейных дорог. Износ дорожного полотна и дорожных сооружений оказывался значительным в силу эксплуатации большегрузных автомобилей на перевозках в глубинные колымские районы. Поэтому наиболее затратными оказывались текущие ремонты (9328 тыс. руб. или 53 % от всех затрат на обслуживание дорог в 1954 г.).

В составе Дальстроя действовали авторемонтные заводы в г. Магадане и пос. Спорном, Оротуканский завод по ремонту горного и обогащительного оборудования, судоремонтный завод № 2, завод регенерации резины. В 1949 г. в ведение ГУ СДС был передан Комсомольский-на-Амуре центральный ремонтно-механический завод. Расширились возможности Дальстроя в производстве необходимых материалов и оборудования. Но, несмотря на практически постоянное перевыполнение производственных планов, дальстроевские заводы все чаще становились «аварийными мастерскими», выполнявшими в срочном порядке задания по выпуску тех или иных изделий или запасных частей, не поступавших с «материка».

Сельское хозяйство Колымы, не обеспеченное техникой, в суровых климатических условиях региона вынуждено было развиваться экстенсивными способами.

Развитие отдельных вспомогательных отраслей хозяйства Севера Дальнего Востока в послевоенное десятилетие вошло в диссонанс с темпами развития горной промышленности, кризисные явления в которой стали сказываться на качестве экономической ситуации в регионе.

В четвертом разделе рассматриваются основные характеристики производительного населения Северо-Востока в 1946–1957 гг.

Попытки правительства в это время целым рядом льгот привлечь сюда квалифицированные кадры нивелировались низким качеством социальной инфраструктуры, обеспеченности продуктами питания и вещевым довольствием. Так, в 1948 г. в большинстве горных предприятий жилплощадь составляла в среднем 2–3 м² на человека. В 1953 г. 14,4 % жилого фонда, в котором проживало 29278 чел., составляли постройки временного типа, многие из которых имели двухъярусную систему нар, пришли в ветхость, были поражены домовым грибком и подлежали сносу.

Сравнение размеров тарифных ставок, действовавших на рубеже 1940–1950-х гг. в Дальстрое, с тарифными ставками в других районах страны оказывалось уже не в пользу первого. Неудивительным становится то, что в 1949 г. обеспеченность профессиональными кадрами горных работ составляла

36,5 %, геологоразведки – 40,3 %, энергохозяйства – 69 %, транспорта – 58,7 % и т.д.

Вновь руководство Дальстроя пыталось удерживать работников административными способами. Тем не менее, из 18222 заявлений и жалоб, поступивших в отдел кадров в январе–октябре 1949 г., около 11 тыс. касались вопросов увольнения. В 8616 случаях просьбы были удовлетворены как законные. Особенно резко численность вольнонаемного населения сократилась в 1953–1955 гг. – со 120 тыс. до 94 тыс. Это является доказательством того, что вместе с заключенными районы колонизации на Северо-Востоке СССР стали массово покидать и различные категории вольнонаемных работников.

На количественном и качественном составе заключенных в послевоенное время сказались метаморфозы советской карательной политики этого периода. В 1948 г. на Колыме, как и в нескольких других местностях СССР, был создан Особый лагерь МВД № 5 «Береговой», предназначавшийся для содержания «особо опасных государственных преступников». В том же году здесь стали создаваться подразделения строгого режима для размещения уголовников-рецидивистов. В сентябре 1949 г. Управление Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря было преобразовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей Дальстроя. Соответственно, наиболее крупные лагерные подразделения получили статус исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

Нехватка техники на производственных объектах Дальстроя после войны вновь восполнялась усилением эксплуатации труда лагерников. В качестве стимулов в этом отношении использовались восстановленные зачеты рабочих дней, зарплаты для заключенных, иные способы поощрения за «ударный труд». Но реалии лагерной Колымы вносили свои коррективы в «исправительно-трудовую политику». Условия труда и быта здесь становились причиной высокой смертности. Только за 8 месяцев 1947 г. в результате истощения и заболеваний здесь умерло 5729 заключенных. В IV квартале 1948 г. только в Берлаге умерло 148 человек, из них 71 – от воспаления легких.

Однако настоящим бедствием для Дальстроя стало в конце 1940-х гг. прибытие большого количества уголовников, осужденных на большие сроки (до 25 лет), что серьезно подорвало и лагерный режим, и производственную дисциплину. Постепенное их накопление привело к феномену так называемой сучьей войны между различными группировками уголовников, приведшей к шквалу лагерного бандитизма и парализовавшей работу целых предприятий.

Процессы амнистирования и реабилитации заключенных привели к ликвидации в 1954 г. Берлага, а в августе 1957 г. в ведение УМВД по Магаданской области был передан и СВИТЛ с оставшимися там 24902 лагерниками.

Дальстрой на всем протяжении своей истории являлся одним из крупнейших лагерных комплексов, заключенные которого своим трудом обеспечивали здесь достижение поставленных государством целей. В 1932–1954 гг. в УСВИТЛ и Берлаг прибыло 859911 заключенных. Из их числа было освобождено 445171 человек, умерло 121256, бежало 7800 и было расстреляно около 13000 человек.

В течение указанного периода в очень трудных условиях функционировало хозяйство коренных народов Севера, живших в национальных районах Колымы. В среде их проживания масштабно распространялись туберкулез и алкоголизм, становившиеся причинами высокой смертности.

Таким образом, процессы развития основных групп населения Северо-Востока, формировавшихся Дальстроем, наглядно свидетельствуют о порочности и тупиковом характере применявшихся государством методов формирования трудовых ресурсов региона. Опора на методы штрафной колонизации и игнорирование жизненно важных интересов коренного населения для обеспечения функционирования горной отрасли в интересах промышленно развитого центра страны не привели к складыванию здесь квалифицированного и постоянно проживающего населения.

В Заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

1920-е гг. ознаменовались коренными изменениями в государственной политике, проводимой на северных и северо-восточных окраинах СССР. Эти территории должны были стать органичной частью российского экономического, социального и политического пространства. Они стали местом работы многочисленных научных экспедиций, изучавших их экономико-географические характеристики, богатства недр, лесов и тундр, гидрографию северных рек и т.д. Планируемые перемены важнейшей своей задачей ставили придание нового качества уровню жизни на прежде забытых окраинах. Прежде всего, конечно, эти замыслы касались вековых хранителей культуры Севера – его коренных жителей. Таким образом, содержание начавшейся второй волны колонизации имело кардинальные отличия от прежней дореволюционной колонизационной практики.

В реальности же содержанию их замыслов не суждено было осуществиться. Нараставшие в течение 1920-х гг. противоречия между содержанием нэп, постепенно преодолевавшей экономическое наследие «военного коммунизма», и политической практикой режима, сползавшего к тоталитаризму, привели к кардинальным изменениям политических и социально-экономических условий жизнедеятельности социума. Свидетельством этого стала форсированная индустриализация, концепция которой возобладала над теорией постепенного развития отечественной промышленности. Именно эти обстоятельства в совокупности с внутривнутриполитическими переменами рубежа 1920–1930-х гг. и определили коренное изменение содержания государственной политики на Севере. Деятельность «Комитета Севера» по его колонизации, едва начавшаяся в течение второй половины 1920-х гг., была отодвинута на второй план, а затем и вообще прекращена.

На первый же план вышли могущественные организации, на десятилетия ставшие основной институциональной формой второй волны колонизации Российского Севера. Внутренняя природа таких организаций наиболее рельефно демонстрируется феноменом Дальстроя. Формально созданный как государственный трест, он не имел ничего общего с тем содержанием, которое действовавшее законодательство вкладывало в это понятие. Фактически это

была суперпривилегированная военизированная структура, чье внутреннее строение и деятельность шли вразрез не только с нормами действовавших в то время Конституций, но и Устава ВКП(б). С появлением Дальстроя вторая волна колонизации Северо-Восточного региона России приобрела чрезвычайный характер, что подтверждалось чрезвычайными же методами его деятельности.

Важнейшим из них стало широчайшее использование труда осужденных государством преступников, принудительно направлявшихся на Колыму и Чукотку. Этот традиционный для России со времен Петра Великого метод решения актуальных государственных задач промышленного строительства советским государством был доведен до своего максимально возможного воплощения на практике. Как и многие территории нашей страны, где разворачивались процессы индустриализации, Северо-Восток постепенно становился большим лагерем, население которого обеспечивало осуществление имперских претензий и амбиций политического режима.

Уже первое десятилетие деятельности Дальстроя показало, что власти, чьим инструментом он являлся на территории края, не интересуется комплексное развитие производительных сил Северо-Востока. Все предоставлявшиеся в распоряжение сначала «треста», а затем и территориально-производственного главка НКВД ресурсы бросались на развитие, прежде всего, одной отрасли промышленности – горнодобывающей. Интересы коренного населения также оказались подчиненными Дальстрою, настоятельно требовавшему от автохтонов обеспечения потребностей добычи минерального сырья трудом в организуемых колхозах.

1930-е гг. стали периодом колымского «экономического чуда». Экспоненциальный рост объемов золотодобычи, приведший к максимальному результату в 1940 г. (80 т химически чистого металла), казалось бы, становился наглядным подтверждением эффективности деятельности Дальстроя. Но в основе этого «чуда» лежала интенсивная эксплуатация мускульного труда заключенных и хищническая отработка уникальных колымских россыпей.

В годы войны на Северо-Востоке были разведаны значительные запасы ценных видов минерального сырья, начали эксплуатироваться их крупные месторождения, создавались новые рудники и прииски. Резкое сокращение снабжения с «материка» заставило Дальстрой обратить внимание на развитие вспомогательных отраслей местной промышленности. В то же время именно военный период стал временем наиболее жестокой эксплуатации лагерников, а трудовое использование вольнонаемных работников стремительно приближалось к уровню эксплуатации заключенных. Добыча расширявшегося ассортимента металлов осуществлялась Дальстроем вновь преимущественно методами хищнической разработки наиболее богатых россыпных и рудных месторождений. Только сочетание всех этих факторов, в совокупности с колоссальными богатствами недр региона, позволило Дальстрою выполнять государственные планы золотодобычи.

Послевоенное время стало эпохой кризиса институциональных форм и использовавшихся в течение целого ряда лет методов второй волны колонизации Севера, в первой половине 1950-х гг. переживших агонию. И

природная, и производственная, и социальная среда Северо-Востока все меньше и меньше отвечали требованиям, предъявлявшимся государственными планами металлодобычи.

Хищническая добыча прежнего времени резко снизила среднее содержание полезных ископаемых в горных породах. Производственных мощностей уже не хватало для обеспечения все увеличивавшихся объемов горных работ. Существовавшая система снабжения и транспорта оказалась не в состоянии обеспечить потребности производства и населения Дальстроя. Само это население, состоявшее преимущественно из бывших заключенных и договорников и принудительно удерживаемое здесь в годы войны, со снятием ограничений на выезд стало стремительно покидать регион.

Таким образом, вторая волна колонизации Северо-Востока, составившая специфику государственной политики, институциональной формой оформления которой стал Дальстрой, не привела регион к положению «освоенной» (устойчиво обжитой) территории. Напротив, применявшиеся государством формы и методы колонизационной практики превратили его в 1930–1950-х гг. во внутреннюю колонию, сырьевой придаток промышленно развитого центра. Оформленная в течение указанного периода структура отношений в системе «центр – провинция» не только способствовала безоглядной экономической эксплуатации края, но и сопровождалась реализацией специального режима управления колоссальной территории на Крайнем Северо-Востоке СССР. Преодоление последствий деятельности Дальстроя потребовало значительных управленческих усилий и материальных ресурсов в 1950–1960-х гг.

В **Приложениях** автором помещены схемы организационного строения Дальстроя и карты районов деятельности его горных управлений в середине 1950-х гг.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. *Широков А.И.* Г.М. Иванова. История ГУЛАГа. 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с. / А.И. Широков // Отечественная история. – М., 2007. – № 3. – С. 201–203. (0,35 п.л.)

2. *Широков А.И.* «Штурм Севера»: штрафная колонизация 1930–1950-х годов / А.И. Широков // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер. «История, филология». – Новосибирск, 2007. – Т. 6. – Вып. 1 «История». – С. 68–72. (0,5 п.л.)

3. *Широков А.И.* Социальная среда северного фронта (на примере Северо-Востока России) / А.И. Широков // Вестник Томского университета. – Томск, 2007. – № 299 (I). – С. 91–93. (0,4 п.л.)

4. *Широков А.И.* Дальстрой как институт освоения Северо-Востока в 1930–1950-х гг. / А.И. Широков // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». – Новосибирск, 2008. – № 2. – С. 90–93. (0,5 п.л.)

5. *Широков А.И.* Формы и методы колонизации Северо-Востока СССР в 1930–1950-е гг.: Дальстрой / А.И. Широков // Вестник Томского университета. – Томск, 2009. – № 322. – С. 110–114. (0,7 п.л.)

6. *Широков А.И.* Вольнонаемные работники Дальстроя: колымская повседневность 1930–1950-х гг. / А.И. Широков // Вестник Томского университета. – Томск, 2009. – № 323. – С. 197–201. (0,7 п.л.)

7. *Широков А.И.* Берлаг: формирование и деятельность особого лагеря МВД на Колыме / А.И. Широков // Вестник Томского университета. – Томск, 2009. – № 326. – С. 91–95. (0,7 п.л.)

8. *Широков А.И.* Золотодобывающий комплекс Дальстроя в 1930-х гг. / А.И. Широков // Вестник Томского университета. – Томск, 2009. – № 327. – С. 98–104. (0,7 п.л.)

Монографии, брошюры

1. *Широков А.И., Этлис М.М.* Советский период истории Северо-Востока России (историография и новые архивные данные) / А.И. Широков, М.М. Этлис. – Магадан: Изд-во Междунар. пед. ун-та, 1993. 36 с. (1,58 п.л.)

2. *Широков А.И.* Дальстрой: предыстория и первое десятилетие / А.И. Широков. – Магадан: Кордис, 2000. – 151 с. (11,5 п.л.)

3. *Широков А.И., Зеляк В.Г., Гоголева Е.М., Райзман Д.И.* Землякам, приближавшим Победу / А.И. Широков, В.Г. Зеляк, Е.М. Гоголева, Д.И. Райзман. – Магадан: Охотник, 2005. – 180 с. (7,9 п.л.)

4. *Широков А.И.* Формы и методы государственной политики на Российском Севере. 1930–1950. (на примере Северо-Востока России) / А.И. Широков // Факторы устойчивого развития регионов России: монография / И.В. Должикова, Т.Ю. Ковалева, Т.В. Коваль и др. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ЦРНС – Сибпринт, 2008. – С. 155–189. (2,71 п.л.)

5. *Широков А.И.* Государственная политика в отношении к коренным малочисленным народам Севера и инонациональному населению в XX столетии / А.И. Широков // Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: монография. / О.В. Акулич, Л.П. Бирюкова, Е.А. Вернигорова и др. / под. ред. Е.М. Кокорева. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2009. – С. 33–49. (0,93 п.л.)

6. *Широков А.И.* Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории / А.И. Широков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 458 с. (28,6 п.л.)

Статьи

1. *Широков А.И., Этлис М.М.* Dalstroj / А.И. Широков, М.М. Этлис // Sieminski J. Moja Kolyma. – Warszawa: Karta, 1995. – С. 96–122. (1,8 п.л.)

2. *Широков А.И.* «Чрезвычайщина» на Северо-Востоке СССР как следствие Гражданской войны / А.И. Широков // Из истории революций в России: Матер. Всерос. сипм., посвящ. памяти профессора И.М. Разгона. – Томск, 1996. – Вып. 2. – С. 63–70. (0,5 п.л.)

3. *Широков А.И.* Специфика политического развития Северо-Востока России в исторической ретроспективе / А.И. Широков // Колыма. – Магадан, 1998. – № 1. – С. 6–10. (0,5 п.л.)
4. *Широков А.И.* Лагерная Колыма в исторической литературе / А.И. Широков // Колыма. Дальстрой. ГУЛАГ. Скорбь и судьбы: Материалы научно-практической конференции. – Магадан, 1998. – С 72–75. (0,3 п.л.)
5. *Широков А.И.* Коренные народы Северо-Востока и Российское государство: ретроспектива взаимоотношений / А.И. Широков // Голос России. Региональный журнал. М., 1999. – № 4. – С. 24–27. (0,5 п.л.)
6. *Широков А.И.* История золотого промысла на востоке России / А.И. Широков // Колыма. – Магадан, 2000. – № 3. – С. 2–8. (0,8 п.л.)
7. *Широков А.И.* Государственные монополии как форма колонизационной политики на Севере России в XX в. / А.И. Широков // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан, 2001. – С. 37–39. (0,3 п.л.)
8. *Широков А.И.* Российский Север как объект государственной политики (проблемы формирования современной концепции) / А.И. Широков // Материалы научно-практической конференции, посвященной 40-летию Северного международного университета. – Магадан, 2002 – С. 21–24. (0,4 п.л.)
9. *Широков А.И.* К вопросу о концептуальных основах исследования деятельности Дальстроя / А.И. Широков // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан, 2002. – С. 34–36. (0,3 п.л.)
10. *Широков А.И.* Особый лагерь № 5 МВД СССР в системе Дальстроя (анализ документов центральных архивных хранилищ) / А.И. Широков // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан, 2002. – С. 63–65. (0,3 п.л.)
11. *Широков А.И.* Вперед – на Колыму! Российский Север: проблемы прошлого и настоящего / А.И. Широков // Мир Севера. – М., 2002. – № 4 – С. 15–24. (0,95 п.л.)
12. *Широков А.И.* Российское государство и Восток России (с точки зрения историка) / А.И. Широков // На Севере дальнем. – Магадан, 2002. – № 1 – С. 156–200. (2,6 п.л.)
13. *Широков А.И.* До встречи в свободной стране... / А.И. Широков // Бирюков А.М. Колымские истории. – Магадан, 2003. – С. 3–16. (1,13 п.л.)
14. *Широков А.И.* Лагерная Колыма в воспоминаниях и исследованиях (историографический этюд) / А.И. Широков // Э.М. Ремарк и лагерная литература: Сб. статей. – Магадан, 2003. – С. 89–101. (0,8 п.л.)
15. *Широков А.И.* Из истории планирования развития Северо-Востока России на рубеже 30–40 гг. XX в. / А.И. Широков // Вестник Северного международного университета. – Магадан, 2003. – Вып. 1. – С. 62–68. (0,52 п.л.)
16. *Широков А.И.* Из истории железнодорожного строительства на Северо-Востоке / А.И. Широков // Социально-экономическое развитие Северо-Востока России: вызовы XXI века: Материалы Первой межрегиональной научно-

практической конференции, посвященной 50-летию Магадан. обл. – Магадан, 2003. – С. 145–155. (0,5 п.л.)

17. *Широков А.И., Зеляк В.Г.* Методологические проблемы изучения истории Северо-Востока России XX в. / А.И. Широков. В.Г. Зеляк // Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы II региональной научно-практической конференции. – Магадан, 2004. – Т. 1. – С. 31–35. (0,4 п.л.)

18. *Широков А.И.* Только один военный год (основные итоги хозяйственной деятельности Дальстроя в 1942 г.) / А.И. Широков // Вестник Магаданского филиала Института экономики и управления (г. Санкт-Петербург). – Магадан, 2004. – Вып. 1. – С. 121–130. (0,77 п.л.)

19. *Широков А.И.* К вопросу о характере пенитенциарной политики советского государства в 30–40-е гг. XX столетия (по материалам Севера Дальнего Востока) / А.И. Широков // Традиции, реформы и революции в развитии государства и права (К 100-летию Революции 1905 г.): Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Волгоград, 2005. – С. 60–63. (0,4 п.л.)

20. *Широков А.И.* Особенности карательной политики советского государства в 40-е гг. XX в. (на примере территории Северо-Востока России) / А.И. Широков // VIII Вишняковские чтения. Социально-экономическая концепция вузовской науки региона: Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 163–166. (0,45 п.л.)

21. *Широков А.И.* Северо-Восток в системе общественных отношений СССР в 30–50-е гг. XX столетия (теоретический и практический аспекты) / А.И. Широков // Колымский гуманитарный альманах. – Магадан, 2006. – Вып. 1. – С. 5–35. (1,85 п.л.)

22. *Широков А.И., Райзман Д.И.* Состояние здоровья заключенных в подразделениях Дальстроя в 1950–1955 гг. (по отчетам медицинских отделов Северного, Чаун-Чукотского и Янского ИТЛ) / А.И. Широков, Д.И. Райзман // Колымский гуманитарный альманах. – Магадан, 2006. – Вып. 1. – С. 117–131. (0,73 п.л.)

23. *Широков А.И.* Организационные формы колонизации Северо-Востока России в 1930–1950-х гг. / А.И. Широков // Колымский гуманитарный альманах. – Магадан, 2007. – Вып. 2. – С. 54–67. (0,8 п.л.)

24. *Широков А.И.* Вторая волна колонизации Северо-Востока России 1930–1950-х годов / А.И. Широков // Якутский архив. – Якутск, 2008. – № 1. – С. 72–77. (0,5 п.л.)

25. *Широков А.И.* Народы Северо-Востока России и советское государство / А.И. Широков // Актуальные вопросы современной науки / Сб. науч. трудов. – Новосибирск, 2008. – Вып. 2. – С. 75–89. (1,0 п.л.)

26. *Широков А.И.* «Штурмовавшие» Север: вольнонаемные трудовые ресурсы в системе Дальстроя / А.И. Широков // Колымский гуманитарный альманах. – Магадан, 2008. – Вып. 3. – С. 117–130. (0,75 п.л.)

27. *Широков А.И., Колмогоров Д.А.* Колымский окружной комитет профсоюза рабочих золота и платины: 1939 г. / А.И. Широков, Д.А. Колмогоров

// Колымский гуманитарный альманах. – Магадан, 2008. – Вып. 3. – С. 82–92. (0,55 п.л.)

28. *Широков А.И.* Коренные народы Северо-Востока России в условиях межцивилизационного взаимодействия в XX столетии / А.И. Широков // Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: материалы научной конференции. – Магадан, 2009. – С. 10–17. (1,0 п.л.)

29. *Широков А.И.* Солдаты Берии (ВСО УСВИТЛ во второй половине 1940-х гг.) / А.И. Широков // А. Бирюков – журналист, писатель, исследователь: Материалы научной конференции. – Магадан, 2009. – С. 125–129. (0,5 п.л.)